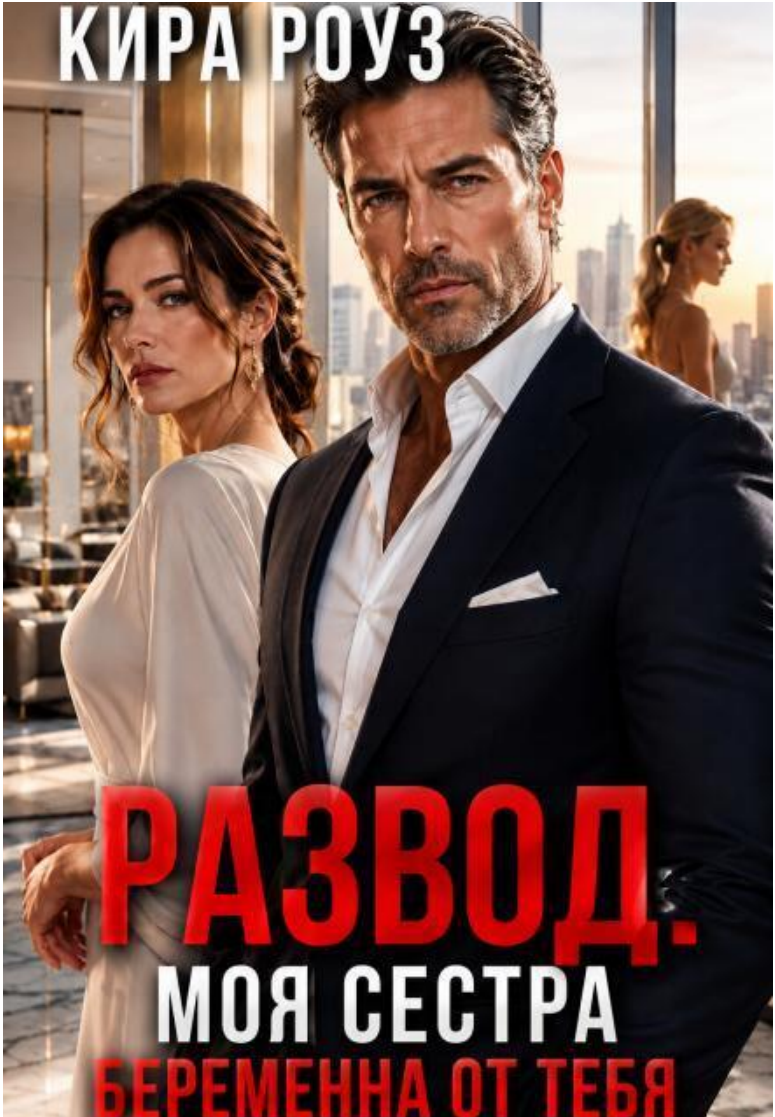

КИРА РОУЗ
РАЗВОД.
МОЯ СЕСТРА
БЕРЕМЕННА ОТ ТЕБЯ

Кира Роуз

Развод. Моя сестра беременна от тебя

https://litres.ru/74741173

Аннотация

— Срок? — уточняет медсестра. Сестра прячет глаза и выдавливает: — Почти восемь месяцев.

Восемь месяцев мой идеальный муж спал с моей младшей сестрой, пока я готовила ужины и заботилась о наших детях. Но самое страшное — наша мать всё знала. Она покрывала их связь и просила беременную любовницу «потерпеть до нашего юбилея». Они были уверены, что после пятнадцати лет брака я никуда не денусь, но они ошиблись. Я подаю на развод и ухожу к главному конкуренту мужа, чтобы разрушить сделку всей его жизни.

В тексте есть: #властный герой, #измена и развод, #предательство сестры, #сильная героиня, #адекватный босс, #противостояние характеров #ХЭ

НОВИНКА! МУЖ ТАЙНО ПОВЕСИЛ НА МЕНЯ КРЕДИТ СВОЕЙ ЛЮБОВНИЦЫ. ОТОМЩУ!

Содержание

Глава 1. Пятнадцать лет 4
Глава 2. Восемь месяцев 12
Глава 3. После юбилея 19
Глава 4. Семейный совет 26
Глава 5. Папин секрет 33
Глава 6. Что останется после брака 40
Глава 7. Девять утра 46
Глава 8. Андрей Воронцов 52
Глава 9. Сорок четыре процента 58
Глава 10. Дать им выбор 66
Глава 11. Жена покупателя 74
Глава 12. Почему именно он 82
Глава 13. Только своё 89
Глава 14. Вернись домой 96
Глава 15. Реальные деньги 104
Глава 16. Шестьдесят дней 111
Конец ознакомительного фрагмента. 112

Глава 1. Пятнадцать лет

— За женщину, без которой у меня не было бы ничего из того, что вы видите, — говорит Кирилл, и в этот момент Ксюша роняет бокал.

Шампанское льётся на белую скатерть и добирается до серебряной цифры «15» между свечами. Егор спасает тарелку с тортом, Соня хватает салфетки, а мама вскакивает так резко, что её стул царапает паркет.

— Ксюшенька, ты как? — Она уже рядом с младшей дочерью и заслоняет её от нас широкой спиной.

Ксюша прижимает ладонь к столу. Мы не виделись почти два месяца: аврал, командировка, потом бесконечная простуда. Теперь я не понимаю, почему сестра не снимает свободный жакет, хотя в столовой жарко.

— Просто неловкая, — выговаривает она и тянется за салфеткой.

Мама перехватывает её руку раньше меня.

— Сиди. Я сама вытру.

— Мам, шампанское пролила Ксюша, а испугалась почему-то ты, — замечает Соня и смотрит на тётю с беспощадной внимательностью четырнадцатилетней. — Тебе плохо?

Ксюша качает головой, но отвечает не сразу. Кирилл всё ещё стоит у окна с поднятым бокалом. Только что он смотрел на меня тепло и открыто, теперь исподтишка следит за

Ксюшей, будто хочет в чём-то убедиться.

— Я не ела весь день, — сестра наконец выдавливает улыбку для Сони. — Вот и повело немного. Продолжайте, пожалуйста. Кирилл такой красивый тост приготовил, а я всё испортила.

— Ничего ты не испортила. — Я обхожу стол, убираю от неё осколки и касаюсь её плеча. Под жакетом ткань блузки влажная. — Тебе действительно плохо. Ложись в гостевой, я принесу воды.

— Не надо, Марин. — Она отстраняется слишком поспешно и задевает локтем маму. — Сейчас пройдёт.

Кирилл ставит бокал. За ужином Ксюша то просила минералку, то отодвигала шампанское, потому что «ещё за рулём», хотя ключи от её машины лежат у мамы.

— Пап, ты же не договорил, — напоминает Егор. Он прижимает спасённый торт к груди и хмурится на нас. — Там дальше было про маму.

Кирилл переводит взгляд на сына, и его лицо меняется. Напряжение уходит, остаётся знакомая улыбка человека, который всегда умеет вернуть разговор в нужное русло.

— Было. — Он подходит ко мне и забирает из моих рук мокрые салфетки. — Про то, что пятнадцать лет назад я получил гораздо больше, чем заслуживал. Жену, которая видела выход там, где я видел только проблемы. Дом, в который хочется возвращаться. Соню и Егора. И я хочу, чтобы через следующие пятнадцать лет мы снова сидели за одним

столом.

Он обнимает меня за талию. Пахнет парфюмом, который я подарила утром. Кирилл говорит искренне — я слишком давно знаю его, чтобы не услышать. И всё же Ксюша напротив закрывает глаза, а мама накрывает её пальцы своими.

— Мам, — тихо просит сестра. — Не надо.

Сегодня Ксюша сама настояла, что придёт. Я освобождаюсь из объятий мужа, наливаю ей воды и присаживаюсь рядом.

— Выпей. И съешь хоть кусочек хлеба. Ты сама сказала, что не ела.

— Я не хочу, — отвечает она, не поднимая лица.

— Тогда скажи, что случилось. — Я придвигаю стакан ближе. — Ты два месяца от меня бегаешь, сейчас едва сидишь. На работе что-то?

Кирилл зачем-то берёт графин и наливает ещё один стакан воды. Мой уже стоит перед Ксюшей, почти касается её локтя. Я хочу сказать мужу, чтобы не суетился, но сестра провожает его руку таким взглядом, что слова застревают. Мама тоже замечает. Один осколок упрямо скользит у неё между пальцами; она ловит его салфеткой снова и снова, лишь бы не поднимать головы.

— Господи, все просто устали, — бормочет мама. — У одной открытие, у другого эта сделка... Марина, давай поедим уже. Детям завтра в школу.

— Бабушка, завтра суббота, — Егор возмущённо отодви-

гает торт. — Вы вообще меня слушаете?

Соня фыркает, Егор победно кивает ей, и я невольно улыбаюсь. Мы с Кириллом пятнадцать лет вытаскивали друг друга из проваленных сделок, детских температур и бессонных ночей. Всегда как-то вытаскивали.

— За нас, — Кирилл касается краем своего бокала моего. — За всё, что мы построили.

— И за маму, — торжественно добавляет Егор. — Потому что у неё сегодня красивое платье.

— Наконец-то достойная причина, — смеюсь я и отпиваю шампанское.

Ксюша подносит воду ко рту. Стакан вдруг стучит о стол, вода плещет ей на блузку. Сестра сгибается и обеими руками хватается за живот.

Мама первой зовёт её по имени. Так зовут, когда уже боялись именно этого, и я машинально оборачиваюсь к ней. Но мама не смотрит на меня.

— Где болит? — Я опускаюсь перед сестрой. — Ксюша, посмотри на меня. Голова кружится? Тошнит?

Она пытается ответить и не может. Кирилл уже вызывает скорую и перечисляет симптомы так уверенно, словно мы успели их обсудить, хотя я сказала только два слова.

— Положим её на диван, — решаю я и подаю сестре руки. — Медленно. Соня, открой окно в гостиной. Егор, принеси плед и не стой здесь босиком.

Дети разбегаются выполнять. Пока мы ведём Ксюшу в го-

стиную, мама поддерживает её с другой стороны и несколько раз спрашивает шёпотом: «Так же болит?» Я делаю вид, что не расслышала. Кирилл пинком отодвигает стул с дороги. Они будто давно знают, чего бояться, а я одна всё ещё ищу нормальное объяснение.

На диване Ксюша признаётся, что утром уже тянуло низ живота. Мама раздражённо спрашивает, почему та молчала. Кирилл стоит в дверях с телефоном в руке. Их взгляды встречаются, и сестра сразу отворачивается.

— Скорая будет через семь минут, — сообщает он. — Марин, собери её документы.

— Откуда ты знаешь, где они? — спрашиваю я: он смотрит на сумку Ксюши в прихожей.

Кирилл на секунду задерживается с ответом.

— Обычно люди носят документы в сумке.

Разумно. Я достаю паспорт и полис, в боковом кармане нащупываю упаковку витаминов. Когда возвращаюсь, на серой обивке под Ксюшей остаётся маленькое бурое пятно.

— Это кровь? — спрашиваю я.

Сестра смотрит вниз и начинает дрожать. Мама прижимает её к себе, Кирилл быстро выходит в коридор встречать бригаду. Я успеваю заметить, как он проводит ладонью по лицу. Так он делал только дважды: когда Соня в пять лет попала под велосипед и когда у Егора под сорок поднялась температура.

Фельдшеры укладывают Ксюшу на носилки. Мама оста-

ётся с детьми, а я еду с сестрой. Кирилл обещает дождаться няню и быть следом. Он не спрашивает, в какую больницу нас повезут.

В салоне пахнет антисептиком и пластиком. Ксюша не отвечает, когда я спрашиваю, кому позвонить с её работы. Телефон у неё в руке вспыхивает, и она торопливо гасит экран.

— Марин, не надо никому, — просит она. — Пожалуйста.

— Хорошо. Сначала разберёмся со здоровьем.

Я беру её за руку, и Ксюша стискивает мои пальцы совсем по-детски. После смерти папы по врачам с ней ходила я. Помнила, на что у неё аллергия, где лежит прививочный сертификат, какого мальчика она впервые привела домой и попросила не говорить маме. А сегодня мне почему-то нельзя даже узнать, кому она успела написать.

В приёмном нас встречают запах хлорки и мужчина, уснувший на трёх стульях. Я отвечаю про аллергию, потом замолкаю: лекарства сестра перечисляет сама, и половину названий я слышу впервые.

— Срок беременности? — буднично уточняет медсестра, не отрываясь от формы.

Я оглядываюсь на женщину у стены. Та спит, укрывшись собственной курткой. Значит, медсестра спросила Ксюшу. Сестра вытаскивает руку из моей и облизывает губы, словно сейчас ответит на экзамене, к которому не готовилась.

— Двадцать две недели.

Медсестра записывает срок без всякого удивления. Это я

смотрю то на широкую блузку, то на ладонь поперёк живота и никак не могу совместить увиденное с сестрой. Больше пяти месяцев. За это время Ксюша забрала у меня два контейнера с сырниками, пожаловалась на начальницу, поздравила Егора и ни разу не сказала главного.

— Вы сестра? — Медсестра поднимает на меня усталые глаза. — Подождите в коридоре. Пациентку осмотрит врач.

Двери смыкаются за каталкой. Я отвечаю Соне и отправляю Кириллу название отделения. Сообщение прочитано сразу.

Через несколько минут появляется муж. Он не спрашивает меня, что случилось, и сразу наклоняется к Ксюше, которую вывезли из смотровой.

— Что сказали? — Кирилл берёт её за плечи, осторожно, привычно. — С малышом всё нормально?

Ксюша закрывает глаза. Муж замечает меня только после этого. Его пальцы остаются на её жакете, а на лице появляется выражение, с которым он садится за стол переговоров, когда понимает: другая сторона принесла документ, которого он не ожидал увидеть.

Я встаю. Каблук попадает в щель между плитками, и мне приходится придержаться за стену. Кирилл делает движение ко мне, но я поднимаю ладонь.

— Моя сестра беременна от тебя?

Он смотрит мне в лицо, хотя ответ уже держит Ксюшу за плечи.

— Да.

Глава 2. Восемь месяцев

— Убери от неё руки.

Кирилл отпускает Ксюшу не сразу. Сначала помогает ей сесть на каталке, поправляет сползший жакет, только потом отступает. Эта забота ранит сильнее поспешного признания: он знает, как ей удобнее, где болит, чего она боится. Пока я готовила ужин к нашей годовщине, у мужа была ещё одна женщина, о которой он тоже привык заботиться.

— Марина, здесь нельзя, — начинает он тихо. — Давай подождём врача и поговорим в другом месте.

— Здесь нельзя что? Узнать, сколько месяцев мой муж спит с моей сестрой? — Я говорю негромко: за стойкой сидит медсестра, рядом дремлют чужие люди. Кирилл рассчитывает на это и сохраняет спокойствие. — Или Ксюше нельзя услышать, что ты ответишь?

Сестра соскальзывает с каталки, придерживая живот. Я инстинктивно протягиваю руку, но она опирается на стену.

— Восемь, — произносит Ксюша. Голос царапает ей горло, приходится прокашляться. — Почти восемь месяцев.

Я считаю автоматически. В феврале Ксюша ездила с маркетинговой командой в Казань, на открытие нашего нового отеля. Вернулась возбуждённая, рассказывала, как сама погасила конфликт с подрядчиками. Я хвалила её перед Кириллом за ужином. Он отвечал, что она наконец повзрослела.

— После мероприятия в Казани? — спрашиваю я.

Кирилл бросает на Ксюшу предупреждающий взгляд, но она уже устала хранить его порядок.

— После банкета, — отвечает сестра. — Все разошлись. Мы остались проверить зал и смету. Он меня поцеловал.

— Ксения, тебе нужно лечь, — Кирилл берётся за край каталки и подвигает её ближе. — Врач сказал беречься.

— Не закрывай мне рот ребёнком. — Она вскидывает на него лицо, и я впервые вижу в её страхе злость. — Ты хотел сам всё объяснить? Объясняй. Марина имеет право знать.

Право. Слово звучит издевательски после восьми месяцев. Я подхожу к окну в конце коридора и прижимаю ладонь к холодному стеклу. На парковке мигают синие огни другой скорой. Кирилл встаёт рядом, оставив между нами расстояние, которое раньше преодолевал, даже когда мы ссорились.

— Я поцеловал её первым, — говорит он. — Это правда.

— И всё остальное тоже делал первым? — Я поворачиваюсь к Ксюше. — Тебя вынудили?

Сестра смотрит на единственную оставшуюся туфлю, будто след от шампанского на ней важнее моего вопроса.

— Нет. На следующий день я сама пришла к нему в номер.

Кирилл просит её замолчать. Я останавливаю его жестом: отступать в удобную ему версию не собираюсь.

— Ребёнка вы планировали? — Вопрос выходит грубее, чем хотелось, но смягчать его поздно.

Кирилл отвечает быстрее сестры:

— Нет. Если ты решила, что Ксюша специально... Марина, нет. Так вышло.

— Удобные слова ты выбираешь. «Так вышло», «поставить перед фактом». Как будто вас обоих там не было, — говорю я.

Из смотровой выглядывает врач и зовёт Ксюшу на УЗИ. Пока ничего критичного он не видит, но нужно проверить. Сестра уже берётся за каталку, потом останавливается и смотрит на Кирилла — ждёт, что он пойдёт рядом. Я отхожу от двери, освобождая проход.

— Иди. Мы никуда не денемся.

— Я с тобой, — Кирилл подаётся следом, но Ксюша вдруг качает головой.

— Останься. Тебя жена ждёт.

Слово «жена» Ксюша почти выплёвывает, будто я нарочно заняла её место. Дверь закрывается. Я снимаю туфли и ставлю их под жёсткий больничный стул. На пальце блестит утренний подарок Кирилла — пятнадцать маленьких камней к пятнадцати годам брака. Как всё у него аккуратно посчитано.

— Когда ты узнал о ребёнке?

Кирилл садится через одно место. Я много раз видела его в кризисе: чем хуже положение, тем тише он говорит.

— Почти три месяца назад. Ксюша сделала тест, потом была у врача. Срок тогда оказался больше, чем она думала.

— И вы обсуждали, что делать, — уточняю я.

— Конечно. — Он поднимает лицо. — Я сказал, что решение о беременности принимает она. Если ребёнок родится, я признаю его, обеспечу жильём, оплачу всё необходимое. Я своего ребёнка не брошу.

Кирилл всегда гордился тем, что он хороший отец. Даже сейчас ждёт, что я оценю эту часть его порядочности.

— Как великодушно. А мне ты когда собирался сообщить, что у наших детей появится брат или сестра?

— После юбилея. Сегодня вечером, когда дети лягут. — Он говорит это почти спокойно, и я вспоминаю его тост: следующие пятнадцать лет, один стол, дом, в который хочется возвращаться. — Я хотел сначала поговорить с тобой, потом закончить всё с Ксенией. Без публичного скандала и без того, чтобы пострадали дети.

— Закончить всё? — Я смотрю на дверь, за которой обследуют беременную женщину. — На двадцать второй неделе?

— Отношения. Не ответственность. Я буду участвовать в жизни ребёнка, но между мной и Ксюшей всё должно прекратиться.

Он произносит это так, словно достаточно развести обязательства по пунктам. Я касаюсь нового кольца: уже утром Кирилл решил, что любовница получит содержание, а жена — бриллианты и прежнюю жизнь.

— Когда ты собирался уходить? — спрашиваю я.

Кирилл хмурится. Он действительно не понимает.

— Откуда?

— Из дома. От меня. Когда ты собирался жить с женщиной, которая носит твоего ребёнка? — Я не отвожу глаз.

Он наклоняется ко мне, понижая голос ещё сильнее, будто самое опасное сейчас — быть услышанными медсестрой.

— Я не собирался уходить, Марин.

Несколько секунд я слышу только гул лампы над нами. Не признание в любви к Ксюше, не выбор молодой женщины, не предложение освободить ему дорогу. Кирилл предлагает оставить всё на местах. Меня — в доме, Ксюшу — где-то за пределами нашего семейного ужина, ребёнка — в расписании между Соней и Егором.

— И ты полагал, что я соглашусь?

— Я полагал, что ты не станешь уничтожать пятнадцать лет из-за связи, которую я готов закончить. — В его голосе впервые проступает раздражение. — Я виноват. Не пытаюсь спорить. Но у нас есть семья, дети, общий дом, вся жизнь. Я не разлюбил тебя.

— Ты сказал это Ксюше? Что останешься со мной?

Кирилл замолкает, и пауза отвечает точнее слов. Дверь смотровой снова открывается. Сестру везут по коридору, она слышит конец разговора и смотрит на него так, будто тоже впервые видит.

— Ты говорил, что всё решишь, — напоминает она. — После юбилея.

— Я и собирался решить. — Кирилл встаёт перед катал-

кой, не позволяя санитару провезти её дальше, пока тот не просит отойти. — Поговорить с Мариной, определить, как мы будем общаться из-за ребёнка, подобрать тебе жильё.

— А потом вернуться к жене? — Ксюша вцепляется в бортик. — Ты сказал, что после юбилея мы больше не будем прятаться.

Кирилл не повышает голос, но обращается с ней тем тоном, которым обычно заканчивает затянувшиеся совещания.

— Я не обещал совместную жизнь.

— Ты сказал: «потерпи ещё немного», — напоминает Ксюша.

— И потому что ты не потерпела, Марина узнала в больничном коридоре. Тебе сейчас легче?

Ксюша отворачивается. Я узнаю её привычное движение: так она делала в детстве, если мама ловила её на лжи. Раньше я всегда вставала между ними, объясняла, что Ксюша маленькая, испугалась, не хотела плохого. Теперь не двигаюсь.

Врач сообщает, что сердцебиение плода нормальное и Ксюшу оставят под наблюдением. Кирилл задаёт точные вопросы о прошлом УЗИ. Врач отвечает, не замечая, что открывает мне ещё один пласт их общей жизни.

— Ты был на обследованиях? — спрашиваю я, когда врач уходит.

— На одном, — признаётся он. — Марина, сейчас здоровье ребёнка важнее того, кто куда ездил.

— Для тебя — возможно. Мне приходится за один вечер узнать, чем ты занимался восемь месяцев.

Кирилл подходит ближе и пытается взять меня за локоть. Я отступаю, но упираюсь спиной в подоконник.

— Поехали домой. Мама останется с Ксюшей, а мы поговорим без крика. Не нужно принимать решения сейчас.

— Ты уже принял их за всех. С Ксюшей закончить. Ребёнка обеспечить. Жену оставить. — Я снимаю кольцо и кладу ему в ладонь. Кирилл сжимает пальцы, но взгляд остаётся на моём лице. — Возвращайся к детям. Я дождусь результатов сестры.

— Не делай из этого окончательный приговор, — произносит он с непривычной жёсткостью. — Я совершил ошибку, но не перестал быть твоим мужем.

— Ошибка длится минуту. Восемь месяцев — это расписание.

Шаги слышны раньше, чем открываются двери отделения. По коридору идёт мама — всё ещё в праздничном платье, поверх которого наброшен старый пуховик. Видимо, няня уже приехала. Она замечает нас троих, быстро оценивает лицо Ксюши и подбегает к ней.

— Давление опять? — спрашивает мама и сразу тянется к её сумке. — Ты таблетки с собой взяла?

Я смотрю, как она безошибочно находит нужный боковой карман. Тот самый, где лежат витамины для беременных.

Мама не спрашивает, какая беременность.

Глава 3. После юбилея

— Давно ты знаешь?

Мама замирает с Ксюшиной сумкой в руках. Из приоткрытого кармана торчит блистер, который она искала, но теперь уже не достаёт. За её спиной санитар везёт пустую каталку; резиновое колесо постукивает на каждом стыке плитки. Я жду, пока звук стихнет, потому что иначе могу не расслышать ответ и придётся спрашивать снова.

— Марина, сестру только что осмотрели. Давай хотя бы не здесь.

— Три месяца, — отвечает за неё Кирилл.

Мама резко оборачивается к нему. Она явно хотела подобрать слова осторожнее, добавить обстоятельства, которых никто не просил. Муж лишил её этой возможности и теперь смотрит на часы, будто после раскрытия измены у нас появился деловой график.

— Почти три, — поправляет мама. — Ксюша позвонила мне после врача. Она была одна, плакала. Куда ей ещё было идти?

— Ко мне, например. Я её сестра.

Ксюша откидывается на спинку больничного кресла. Лицо у неё серое, под глазами растеклась тушь. Я замечаю, как она осторожно поправляет жакет на животе, и от этого будничного движения подступает тошнота. Мама помогала ей

выбирать одежду? Придумывала простуды и командировки? Забирала мои контейнеры с едой, чтобы отнести беременной дочери, а потом возвращала посуду на мою кухню.

— Именно поэтому она и не пришла, — говорит мама, понижая голос. — Ты бы сразу всё разрушила. А ей нельзя было нервничать.

— Разрушила что?

Мама открывает рот, но рядом появляется медсестра и просит нас говорить тише. В отделении ночь, люди отдыхают. Я извиняюсь, хотя не повышала голоса, и предлагаю перейти к окну. Мама остаётся возле Ксюши. Даже сейчас выбирает место рядом с ней, а не со мной.

— Я не покрывала измену, — продолжает она, когда медсестра уходит. — Не смотри на меня так. Я сразу сказала, что это безобразие, что Кирилл обязан с тобой поговорить. Каждый день требовала.

— А когда я звонила Ксюше, ты тоже каждый день требовала? — Я вспоминаю выходные, на которые сестра обещала приехать к Соне. Тогда мама ответила вместо неё: Ксюша спит, температура, телефон разрядился. — Она была у тебя?

Мама мнёт ручки сумки, и Ксюша закрывает лицо ладонью.

— Ей было плохо после обследования. Я забрала её на два дня, только и всего.

— И сказала мне, что у неё грипп. Я оставила у твоей двери суп, чтобы не заразиться, — напоминаю я.

— Что я должна была сказать? — Мама повышает голос, тут же оглядывается на пост медсестры и продолжает шёпотом. — «Приезжай, у твоей сестры ребёнок от твоего мужа»? Так лучше было бы? В тот же вечер? Я пыталась выиграть время, чтобы они сами разобрались.

Слово «они» оставляет меня за пределами моего собственного брака. Я наклоняюсь, поднимаю с пола Ксюшину потерянную туфлю и ставлю рядом с её ногой. Всё это время мама не пыталась вернуть мне правду. Она помогала двум взрослым людям выбрать удобный момент, когда правда причинит мне поменьше хлопот.

— Ты требовала три месяца?

— Ситуация сложная. — Мама наконец вытаскивает таблетки и протягивает блистер сестре. Ксюша не берёт. — Сначала нужно было убедиться, что с ребёнком всё хорошо. Потом у Кирилла была поездка. Потом день рождения Егора. Ты же сама понимаешь, нельзя было обрушить такое перед праздником мальчика.

Я помню тот день рождения. Мама пришла раньше, помогла надуть шары и дважды звонила Ксюше, которая якобы лежала с температурой. Кирилл водил девятерых детей в лазертаг, вечером уснул рядом с сыном на диване. А они вдвоём знали, что через несколько месяцев у Егора появится ещё один брат или сестра.

— После дня рождения был совет директоров, — сухо добавляет Кирилл. — Там решался вопрос сделки. Публичный

скандал мог повлиять не только на меня.

— А после совета?

Он поправляет манжету, испачканную у запястья засохшей кровью Ксюши. Я видела эту рубашку утром чистой. Тогда Кирилл принёс кофе в спальню, поцеловал меня и сказал, что пятнадцать лет прошли слишком быстро.

— После совета приближался юбилей, — отвечает он. — Я хотел, чтобы у нас был один нормальный вечер. И потом всё сказать.

— Один вечер, — повторяю я. — Ты заказал мне кольцо, Соня смонтировала семейное видео, Егор весь день не давал мне войти в столовую. Мама привезла пирог по бабушкиному рецепту. А Ксюша сидела напротив и ждала конца представления. Кто из вас решил, что такой вечер мне нужен?

Кирилл собирается возразить, но мама перебивает его. Она торопится забрать на себя хотя бы часть удара, как всегда делала, когда речь шла о Ксюше.

— Я решила, что при детях нужно провести праздник нормально. Они готовились. Разве ты хотела бы, чтобы Соня и Егор запомнили вашу годовщину скандалом?

— Они запомнят её скорой у дома. Вы спасали красивый вечер, а получили детей, которые сейчас не спят и ждут объяснений, — отвечаю я.

— Нормальный для кого? — Я смотрю на маму. — Ты сидела за моим столом. Ела приготовленный мной ужин. Слушала, как он говорит о следующих пятнадцати годах, и зна-

ла, что твоя младшая дочь носит его ребёнка.

Мама прижимает сумку к животу, словно ей тоже нужно чем-то прикрыться.

— Я просила Кирилла не произносить этот тост.

— Правда? Это должно помочь? — Я смотрю на мать поверх Ксюшиной сумки.

— Я не знала, что он скажет именно так. Думала, после ужина вы останетесь вдвоём и он признается. Сегодня была последняя отсрочка. Я сказала им обоим: всё, после юбилея молчать больше нельзя.

Ксюша поднимает лицо. До этого она слушала нас, зажав между пальцами край рукава. Теперь смотрит на мать с настороженностью.

— Поэтому ты уговорила меня прийти?

— Я хотела, чтобы ты не сделала глупость раньше времени. — Мама садится на корточки перед ней. — Тебе нужно было спокойно дождаться разговора. Кирилл обещал решить вопрос сегодня.

Ксюша смеётся и тут же морщится от боли. Смех получается коротким, злым.

— Тебе я тоже мешала всё решить? Поэтому ты весь вечер следила, чтобы я не сказала лишнего? Даже бокал из рук вытащила.

— Я следила, потому что тебе плохо. И сейчас слежу. — Мама снова протягивает таблетки. — Остальное потом.

— У тебя всё потом, — Ксюша не берёт блистер. — Толь-

ко ждать почему-то всегда должна я.

— Нет, мам, ты сказала другое. — Ксюша отодвигает руку, когда та пытается коснуться её колена. — Ты сказала: «Пусть он сначала проводит юбилей, потом всё изменится». Я пришла, потому что он тоже обещал. Хотела в последний раз увидеть их вместе и... не знаю. Выдержать.

Она бросает взгляд на меня и тут же отводит. Последний ужин моей семьи, который сестра решила переждать. Серебряная цифра на залитой скатерти. Её молчание во время тоста. Мамины пальцы поверх её руки. Все мелочи возвращаются на свои места, и от получившейся картины хочется снять с себя платье, отмыть кожу и никогда больше не зажигать те свечи.

— Ты сидела напротив моих детей и ждала, когда займёшь моё место? — спрашиваю я.

— Я ничего не собиралась делать при Соне и Егоре. — Ксюша вскидывается, щеки впервые розовеют. — Не выставляй меня чудовищем. Мне было плохо, я вообще не хотела приходить.

— Но пришла.

— Потому что устала ждать! — Сестра резко выпрямляется и морщится, прижав ладонь к боку. Мама сразу просит её не волноваться, но Ксюша отталкивает блистер. — Восемь месяцев я слышу одно и то же. После поездки. После дня рождения. После совета. После юбилея. И каждый раз виновата я, что не могу ещё немного потерпеть.

Кирилл подходит к ней, однако теперь держит расстояние. Его терпение заканчивается: я замечаю это по тому, как он перестаёт смягчать окончания фраз.

— Мы договаривались, что я сам поговорю с Мариной. Ты знала, насколько опасна огласка сейчас.

— Мне плевать на твою сделку! — Ксюша сжимает рукава в кулаках. — Ты же сказал, после юбилея всё решишь.

— Решить — не значит уйти от Марины.

Ксюша смотрит на него несколько секунд. Потом переводит взгляд на мать. Мама не переспрашивает, не возмущается, не требует от Кирилла объяснений. Только сильнее прижимает к себе сумку и смотрит куда-то возле его плеча.

— Мам, — зовёт Ксюша совсем тихо. — Ты знала, что он не собирается уходить?

Мать молчит.

Глава 4. Семейный совет

Мама первой отводит глаза.

Ксюша ждёт ещё немного, затем тянется к спинке кресла и медленно встаёт. Я хочу остановить её: врач просил не делать резких движений. Но сестра сама опирается на стену и отступает от матери, будто расстояние сейчас важнее слабости.

— Ты знала, — повторяет она уже без вопроса. — И всё равно говорила мне потерпеть.

— Я надеялась, он передумает. — Мама тоже поднимается и пытается вложить таблетки ей в ладонь. — Ксюшенька, выпей. Мы обсудим это дома, когда ты успокоишься.

— В каком доме? В Маринином?

Врач избавляет маму от ответа. Результаты удовлетворительные: острых осложнений нет, давление снизилось, но Ксюше нужен покой и наблюдение близких до следующего приёма. Если боли усилятся или появятся свежие выделения — сразу обратно. Мама выслушивает рекомендации так внимательно, словно кроме них в коридоре ничего не произошло.

— Она поедет ко мне, — решает мама.

— У меня ремонт, — напоминает Ксюша. — Ты сама говорила, запах краски вреден.

Мама поправляет на ней жакет и поворачивается ко мне.

— Тогда к вам. Дом большой, комнаты есть. Ночь на дворе. Мы сейчас все спокойно поедем и поговорим без посторонних.

— К нам Ксюша не поедет, — отвечаю я.

Кирилл произносит моё имя предупреждающе. Раньше одного этого тона хватало, чтобы я хотя бы дослушала его доводы. Сейчас я надеваю туфли и едва не смеюсь: муж выбирает, где его беременной любовнице будет удобнее провести ночь, а мама требует от меня гостевую комнату.

— Дети дома, — объясняю я. — Они видели скорую, испугались. Я не привезу туда этот разговор.

— А оставить Ксюшу одну можешь? — Мама привычно идёт в наступление там, где нужно защитить младшую. — Ей врач что сказал? Покой и наблюдение. Я с ней останусь, а дети ничего не услышат.

Ксюша смотрит на Кирилла. Он не предлагает свой служебный номер и не зовёт её с собой. После услышанного в коридоре она, кажется, уже не решается попросить.

— Одна ночь, — говорю я. — В гостевой на первом этаже. Разговаривать будем при закрытых дверях. Потом вы обе уедете.

В машине Кирилл садится за руль, мама с Ксюшей устраиваются сзади. Я занимаю пассажирское место и всё время смотрю в тёмное окно. Ещё утром мы ехали по этой дороге вдвоём, обсуждали меню и спорили, позволять ли Егору не спать до полуночи. Сейчас муж несколько раз спрашивает

Ксюшу, удобно ли ей. На третий раз сестра отвечает, что беременна, а не разбита на части.

У дома горит свет. Няня встречает нас в прихожей и сообщает, что Егор уснул в нашей спальне, а Соня сидит у себя и отвечает односложно. Я благодарю её, оплачиваю такси и прошу завтра прийти пораньше. Кирилл хочет добавить что-то про семейные обстоятельства, но я открываю перед няней дверь. Чем меньше людей сегодня узнают подробности, тем дольше дети смогут жить без чужих взглядов.

Я проверяю Егора. Сын лежит поперёк моей половины кровати, сжимает край покрывала и даже во сне хмурится. Целую его в висок, прикрываю дверь и спускаюсь. Внизу мама уже поставила чайник. Она всегда так делает: занимает руки и чужую кухню, словно кипяток способен превратить любую катастрофу в семейный разговор.

— Давайте без крика, — просит она, расставляя чашки. — Мы взрослые люди. Всё можно решить.

— Наконец-то разумная мысль, — поддерживает Кирилл.

Он остаётся в рубашке, только закатывает рукава. На месте кольца, которое я вернула, видна светлая полоска — Кирилл убрал подарок в карман, а своё обручальное не снял. Ксюша садится подальше от него. Я закрываю дверь столовой, чтобы звук не шёл к лестнице, и остаюсь стоять.

— Говори. Как именно ты всё решил?

Кирилл не принимает резкости. Подтягивает к себе чашку, но не пьёт, давая мне время сесть. Я не двигаюсь, и ему

приходится начать без привычной декорации спокойной беседы.

— Наш брак сохраняется. Детям не нужно менять дом, школу и привычную жизнь. Ксении я покупаю квартиру, полностью беру на себя расходы, связанные с беременностью и ребёнком. После рождения оформляю отцовство и участвую в его жизни.

— А во время участия ты будешь возвращаться сюда? — спрашивает Ксюша.

Муж смотрит на неё с усталым раздражением.

— Я только что сказал: Марина остаётся моей женой. Здесь мой дом и мои дети.

— У тебя будет ещё один ребёнок, — напоминает Ксюша.

— И у него будет всё необходимое. Не заставляй меня повторять.

Ксюша отшатывается, будто он прикрикнул, хотя Кирилл едва повысил голос. Мама торопливо наливает ей чай и шепчет, что сейчас нельзя волноваться. Я вижу, как сестра осматривает нашу столовую: свадебная фотография на комоде, рисунок Егора на холодильнике за открытой дверью, Кириллов пиджак на спинке моего стула. Наверное, впервые замечает, что обещанная ей жизнь здесь даже не освободили от моих вещей.

— А отношения с ней? — Я киваю на Ксюшу. — Ты назначишь день, когда они закончатся, или снова после чего-нибудь?

— Они закончены с сегодняшнего вечера. — Кирилл отвечает мне, но следит за сестрой. — Дальше нас связывает ребёнок. Мы найдём способ общаться цивилизованно.

Ксюша отодвигает чашку. Та звякает о блюдце, чай переливается через край.

— Ты даже не спросил, чего хочу я.

— Сегодня ты показала, чего хочешь. — Кирилл всё-таки делает глоток и морщится: вода ещё не заварила чай. — Чтобы Марина узнала. Она узнала. Теперь мы разбираемся с последствиями.

— Последствиями ты называешь меня и ребёнка?

Я провожу салфеткой по столу, собирая пролитое. Снова мокрая скатерть, снова они спорят через меня, будто я обслуживаю собственное предательство. Оставляю салфетку в луже и сажусь напротив мужа.

— У твоей схемы один недостаток. Ты распределил квартиры, детей и женщин, но ни разу не спросил меня.

Кирилл поворачивается ко мне всем корпусом. В его лице появляется терпение, предназначенное именно для жены: с Ксюшей он уже закончил переговоры, меня ещё рассчитывает убедить.

— Потому что знаю тебя. Ты сейчас в шоке. Через несколько дней увидишь, что развод ударит прежде всего по Соне и Егору. Нам понадобится терапия, время, возможно, отдельное проживание. Я готов на всё это. Но уничтожать семью из-за моей ошибки нельзя.

— Ты повторяешь «ошибка», словно однажды перепутал дверь номера, — говорю я.

— А ты всегда умела отделять эмоции от решения. — Он накрывает мою ладонь своей. — Не принимай необратимых решений сегодня.

Я вытаскиваю руку. Ксюша следит за нами, и её лицо снова меняется: там уже меньше боли, больше злости. Не на мужчину, который только что отвёл ей отдельную квартиру, а на женщину, чьё место он сохранил.

— Конечно, Марина отделит эмоции, — произносит сестра. — Она всё умеет правильно. Только чего здесь сохранять? Она последние годы жила детьми и твоей работой. Вы даже вдвоём никуда не ходите, кроме деловых ужинов.

— Откуда ты знаешь, куда мы ходим?

Ксюша сбивается, но уже не может остановиться.

— Я видела. Ты всегда занята домом, его презентациями, кружками. Кирилл хотя бы рядом со мной был живым, понимаешь? Ему не приходилось каждую минуту быть владельцем холдинга и идеальным отцом.

Так сестра представляла мой брак, пока принимала от меня помощь и спала с моим мужем: я стала удобной домашней функцией, которую можно заменить, потому что настоящей женщиной рядом с Кириллом считалась она.

— Отлично, — говорю я. — Тогда держать его не собираюсь.

Кирилл убирает ладонь со стола.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Вы начали восемь месяцев назад. — Я смотрю на него, потом на сестру и мать. — Завтра я свяжусь с адвокатом. Я подаю на развод.

В коридоре скрипит половица. Мы все оборачиваемся к двери.

— Мам? — Соня стоит босиком на пороге и держится за ручку. Лицо у неё белое. — Какой ребёнок у папы?

Глава 5. Папин секрет

— Соня, пойдём наверх.

Дочь не двигается. Она смотрит на Кирилла, а он встаёт так поспешно, что опрокидывает ложку с блюдца. Мама берётся за край стола. Ксюша закрывает жакет на груди, словно племянница может разглядеть через ткань её беременность.

— Я спросила, какой ребёнок у папы, — повторяет Соня. — Вы сказали, у него будет ещё один.

— Мы объясним, — Кирилл подходит к ней. — Только спокойно, хорошо?

Я перехватываю его у двери. Сейчас он снова выберет формулировку, которая сохранит ему лицо, и дети будут разбираться в ней одни.

— Объяснять будем мы с папой. Мама, отведи Ксюшу в гостевую. Ей нужен отдых. Остальной разговор закончен.

— Марина, нельзя сейчас всё вываливать на девочку, — шепчет мама, но я открываю дверь шире.

— Именно поэтому никто не будет рассказывать детям, кто кого любил, что обещал и кто виноват. И никто не попросит их пожалеть кого-нибудь из взрослых. Вы обе уходите.

Ксюша поднимается первой. Проходит мимо Сони, прижимаясь плечом к противоположной стене, и ничего ей не говорит. Мама торопится следом. Я слышу, как в гостевой щёлкает выключатель и начинает литься вода, потом веду

дочь в гостиную. Там всё осталось после скорой: сбитая подушка, свёрнутый плед, чашка Ксюши на подлокотнике. Убираю чашку и сажусь рядом с Соней.

— Егор спит? — спрашивает Кирилл с порога.

— Уже нет, — отвечает сын за его спиной.

Он пришёл, волоча по полу моё покрывало. Волосы стоят дыбом, на щеке отпечаталась складка наволочки. Я усаживаю Егора рядом с собой и укрываю ему ноги. Кирилл опускается напротив нас на журнальный столик. Раньше так садились дети, если хотели быть ближе к телевизору, и он всегда прогонял их на диван. Сейчас не замечает.

— С тётей Ксюшей всё нормально? — Егор зевает, но смотрит на отца. — Она не умрёт?

— Не умрёт. Врачи её проверили, ей нужно полежать. — Я глажу сына по спине, пока он не перестаёт теребить бахрому покрывала. — Вы услышали взрослый разговор, и нам придётся сказать часть правды. Но только ту часть, которая касается нашей семьи.

Кирилл кивает, благодарный за слово «нашей». Я замечаю и сразу уточняю:

— Мы с папой будем жить отдельно. Некоторое время точно. Возможно, потом разведёмся. Это решение взрослых. Вы оба ничего не сделали и исправлять тоже ничего не должны.

— Из-за ребёнка? — Соня поджимает под себя ноги. — У папы правда будет ребёнок?

Кирилл отвечает сам:

— Да. Я совершил ошибку. Очень серьёзную. У меня были отношения с другой женщиной, и теперь она ждёт ребёнка. Я должен заботиться о нём, но вас от этого любить меньше не стану.

Егор долго моргает, потом спрашивает, кто эта женщина. Муж смотрит на меня. Я бы отдала многое, чтобы не произносить имя сестры перед детьми, но ложь уже однажды вошла в эту комнату вместе со взрослыми.

— Тётя Ксюша, — говорю я.

Сын перестаёт теребить покрывало. Соня остаётся неподвижной. За стеной гудит вода, и я встаю, чтобы закрыть дверь плотнее. Когда возвращаюсь, дочь смотрит не на отца — на его телефон, лежащий на столе.

— Она будет жить с нами? — Егор поднимает на меня сонное лицо. — Если у папы от неё ребёнок.

— Нет, — отвечает Кирилл и тянется к сыну. Егор позволяет взять себя за руку, но не выпускает мой халат. — Тётя Ксюша будет жить отдельно. Ребёнок тоже. Я буду приезжать к нему, помогать, но ваш дом останется вашим.

— А ты будешь жить с нами?

На этот вопрос муж отвечает не сразу. Я могла бы спасти его, сказать про несколько дней, про взрослые решения и отдельную квартиру, однако заставляю Кирилла самому выдержать взгляд сына.

— Пока нет, Егор. Я сегодня соберу вещи.

— Из-за мамы? — Егор смотрит на отца.

— Из-за того, что сделал я, — произносит он после паузы.

Егор кивает, хотя вряд ли до конца понимает. Для него «папа соберёт вещи» куда реальнее беременности тёти. Он придвигается ко мне ещё ближе, и Кирилл отпускает его руку первым.

— В гостинице, — произносит она. — Это тогда было?

Кирилл наклоняется к ней.

— Что именно, Сонь?

— В августе. Когда мы с классом выступали на вашем благотворительном вечере. Я пошла искать туалет на втором этаже и увидела вас с тётей Ксюшей у служебного лифта. — Дочь говорит медленно, вспоминая. — Она держала тебя за руку. Потом ты трогал её волосы.

Я не смотрю на мужа. В августе Соня вернулась с мероприятия молчаливой, но Кирилл объяснил это усталостью. Сам отвёз её домой, купил по дороге мороженое и долго сидел у неё в комнате.

— Ксения отвечала за мероприятие, — начинает он. — Мы действительно работали вместе.

— Ты уже говорил. — Соня достаёт телефон из кармана пижамных штанов. Экран слишком яркий в полутёмной гостиной, дочь щурится и листает переписку. — Я спросила, почему вы держитесь за руки. Ты сказал, что она расстроилась из-за подрядчика. А потом написал вот это.

Она поворачивает экран к нам. Сообщение от Кирилла

короткое: «Мы готовим маме сюрприз к годовщине. Маме пока ни слова, ладно? Люблю тебя».

Дата — два месяца назад.

— Что за сюрприз вы готовили? — спрашиваю я.

Кирилл растирает ладонями колени. Он смотрит на дочь, и я вижу, как быстро перебирает варианты: придумать подарок, сослаться на заказ, объяснить всё желанием не напугать. Соня тоже ждёт. Ей сейчас нужен хоть один ответ, который сделает старое сообщение правдой.

— Никакого, — наконец говорит муж. — Я испугался, что ты не так поймёшь увиденное и расскажешь маме. Это было неправильно.

— Я поняла как раз правильно, — Соня гасит экран. — Вы были вместе.

— Да.

— И тётя знала, что я вас видела? — Соня не убирает телефон.

Кирилл медлит. Я кладу руку на плечо дочери, но она отодвигается к краю дивана. Не от меня — от всех нас сразу.

— Знала, — признаёт он. — Мы договорились всё объяснить позже. Соня, я не должен был просить тебя молчать. Это взрослые ошибки, они не имеют к тебе отношения.

— Но я врала маме. — Дочь смотрит уже на меня. — Ты спрашивала, понравился ли мне вечер, а я сказала, что папа весь день был занят. Я думала, сюрприз испорчу.

— Ты не врала мне сознательно. Ты поверила папе, пото-

му что имеешь право ему верить. — Я придвигаюсь, но не касаюсь её снова. — Виноват тот, кто использовал твоё доверие. Не ты.

Кирилл морщится от моих слов, однако не спорит. Егор прижимается ко мне и просит объяснить, куда папа уйдёт. Мы отвечаем просто: пока поживёт в другом месте, будет звонить и приезжать, школа и хоккей останутся. Я не обещаю сыну, что родители помирятся. Кирилл несколько раз начинает фразу со слова «возможно», но каждый раз встречает мой взгляд и заканчивает иначе.

— Вы теперь тётю Ксюшу любите? — спрашивает Егор.

— Вы можете сердиться, — говорю я раньше взрослых за стеной. — Можете не хотеть её видеть. Но никто не будет заставлять вас выбирать, кого любить. И будущий ребёнок ни в чём не виноват.

— А если мы не захотим с ним знакомиться? — Соня спрашивает жёстко, но ногтем сдирает лак с большого пальца. — Нас тоже заставят, потому что он маленький?

— Сегодня вас никто ни с кем не знакомит. Потом мы решим спокойно и обязательно выслушаем вас. — Я забираю с подлокотника салфетку и подаю дочери, чтобы она перестала царапать кожу. — Вам не нужно за одну ночь правильно отнестись ко всему, что сделали взрослые.

Соня резко встаёт. Покрывало сползает на пол, Егор вздрагивает.

— А я виновата? — обращается она к отцу. — Получает-

ся, я тебе помогала ей врать?

Кирилл поднимается и пытается обнять дочь. Соня впервые сама отходит от него.

Глава 6. Что останется после брака

Кирилл останавливается посреди гостиной с разведёнными руками. Соня обходит его, не касаясь, и уходит наверх. Через несколько секунд хлопает дверь её комнаты. Муж делает шаг к лестнице, но я заслоняю проход.

— Сейчас она тебя не услышит.

— А тебя услышит? — спрашивает он с горечью. — Ты уже объяснила ей, кто виноват.

— Ты сам показал сообщение.

Егор держит меня за край халата. Я отвожу его в спальню, укладываю рядом с собой и жду, пока дыхание станет ровным. Кирилл всё это время сидит в коридоре на полу, прислонившись к стене. Когда я выхожу, он предлагает позвонить семейному психологу уже утром. Я отвечаю, что сначала нам обоим нужны адвокаты.

Утро приходит серым и будничным. Мама уезжает с Ксюшей до того, как дети просыпаются. На столе остаётся записка: «Позвони, когда успокоишься». Я рву её пополам и выбрасываю, потом готовлю завтрак. Соня не выходит. Егор ест хлопья и каждые две минуты спрашивает, где сегодня будет папа.

Кирилл звонит своему юристу из кабинета. Я — Елене Давыдовой, с которой когда-то оформляли наследство после смерти отца. Теперь она занимается семейным правом. Еле-

на выслушивает меня без сочувственных вздохов и просит приехать к полудню с документами.

— До встречи с адвокатами я никуда не уеду, — сообщает Кирилл, когда заканчивает разговор. — Это мой дом тоже.

— Я не просила тебя отдавать дом. Но жить здесь сейчас нельзя.

— Потому что Соня отошла от меня один раз? — Кирилл хмурится.

Он говорит жёстко, но смотрит на лестницу. Я вижу, как ему хочется подняться и заставить дочь поговорить. Любовь к детям у Кирилла настоящая; проблема в том, что даже её он привык превращать в задачу, которую можно закрыть правильно подобранными словами.

— Потому что Егор будет следить за каждым нашим движением и ждать, помирились ли мы. Потому что Соня не выйдет из комнаты, пока ты здесь. И потому что я не стану спать рядом с тобой.

Наш спор заканчивает телефон Кирилла. Юрист говорит громко; до меня долетают «интересы детей» и «не создавать давление». Муж выключает связь, несколько раз проводит большим пальцем по чёрному экрану и наконец сообщает, что до вечера переберётся в служебные апартаменты при отеле.

— И только временно, — добавляет он. — Чтобы мы потом не спорили, будто я от чего-то отказался.

— Господи, Кирилл, забери носки и уезжай. Сегодня ни-

кто не делит дом.

В офис Елены я приезжаю всё в том же праздничном платье. Она снимает очки, оглядывает меня и молча ставит рядом с блокнотом вторую чашку кофе. За это я ей благодарна больше, чем была бы за сочувствие.

— Вы приехали узнать, чем муж может вам угрожать, или разводиться? — спрашивает она.

— Разводиться.

— Хорошо. Тогда сегодня никому ничего не обещаете и ничего не подписываете. С детьми не исчезаете, встречи с отцом не отменяете из злости. А теперь давайте вспоминать, что у вас вообще есть, — решает Елена.

На слове «есть» я неожиданно спотыкаюсь. Личный счёт — денег там хватит надолго. От папы осталась небольшая квартира. Есть инвестиции на моё имя и дом, купленный нами с Кириллом уже после свадьбы. С холдингом сложнее: первый отель появился через два года после загса, и до рождения Егора я официально работала рядом с мужем.

— Вы не останетесь без денег, Марина, — спокойно говорит Елена. — И вам не нужно сегодня выбирать между домом и бизнесом. Сначала фиксируем состав совместного имущества. Отдельно определяем временный порядок жизни детей. Отдельно обсуждаем раздел.

Она рисует на листе четыре прямоугольника: «Дом», «Деньги», «Бизнес», «Дети». Между ними тянутся стрелки. В секторе бизнеса появляется брачный период, оценка, до-

ли, компенсация. В секторе детей — основное место проживания, школа, привычный режим, общение с отцом. Наши пятнадцать лет помещаются на одной странице.

— Кирилл хороший отец, — говорю я, когда Елена спрашивает о рисках. — Он солгал Соне, но детей любит. Я не собираюсь мешать их встречам.

Елена подчёркивает слово «Дети» и просит не договариваться на эмоциях о схеме «когда захочет, тогда приедет». Предсказуемость нужна всем: Кирилл должен знать свои дни, я — не ждать его каждый вечер, дети — не гадать, появится ли папа к ужину. Пока можно согласовать временный график, не превращая его в спор о будущем решении суда.

— И пишите друг другу, — добавляет Елена. — Сейчас вам кажется, что вы оба запомнили каждое слово. Через неделю выяснится, что разговоров было два и совершенно разных.

В телефоне у меня как раз висит переписка с Кириллом. Егорова защита для хоккея, Соня у стоматолога во вторник, договор на мебель, который муж просил посмотреть вечером после юбилея. Я читала такие сообщения между магазином и школьной парковкой, отвечала одним большим пальцем. Теперь задерживаюсь над каждым и думаю, можно ли всё ещё написать ему просто: «Купи сам».

Елена разворачивает лист ко мне и стучит ручкой по прямоугольнику «Дом».

— Пока дети остаются там. У отца будут понятные дни и

время, чтобы он не приезжал то к завтраку, то к полуночи. Это на ближайшие недели, Марина. Дальше посмотрите, как дети справляются.

Я вспоминаю две щётки в ванной и Кириллову раскрытую сумку на нашей кровати. Дом ещё полон его вещей. И всё-таки представить, что вечером он привычно ляжет рядом, уже не получается.

Из офиса я еду в банк. Беру талон, сажусь между пенсионеркой с папкой квитанций и мужчиной, который десять минут спорит по телефону. Когда мой номер появляется на табло, я прошу выписки по личным счетам. Денег достаточно. Но водитель, помощник и карта для расходов на деловые ужины принадлежат системе Кирилла. Елена велела пока ничего не отключать самой и сохранять уведомления.

Домой возвращаюсь к вечеру. Соня наконец вышла из комнаты и делает уроки на кухне. Егор строит под столом парковку. Кирилл уже сложил два костюма, рубашки, ноутбук и зарядки. Он ходит по спальне, открывает ящики, и каждый звук кажется неправильным: эту комнату мы обставляли вместе.

— Забыл запонки, — говорит он, когда я останавливаюсь в дверях. — Те, что дарил Егор.

Я достаю футляр из верхнего ящика и кладу на кровать. Кирилл берёт его, но сумку не закрывает.

— Давыдова тебя накрутила?

— Она объяснила процедуру, — отвечаю я.

— Процедура не знает нас. — Он садится на край кровати и проводит ладонью по покрывалу. — Мы проходили хуже. Помнишь первый объект? Долг, пожарная проверка, Соня с температурой. Ты тогда сказала, что паника ничего не решает.

— Поэтому я и не паникую.

— Заявление уже подала? — Кирилл берётся за молнию сумки, но не закрывает её.

— Елена собирает документы. За несколько часов такие вещи не делаются.

Он кивает. Совсем чуть-чуть, однако я вижу: слово «не делаются» его успокоило. Кирилл засовывает внутрь край рубашки, тянет молнию, и она заедает на середине.

— Вот и не спеши, — говорит он, возясь с замком. — Из-за дома я спорить не буду. Деньги обсудим. Всё решаемо. Только не надо превращать развод в соревнование, кто из нас без кого лучше справится.

— Для соревнования нужны двое. Я пятнадцать лет считала, что мы в одной команде.

Кирилл наконец освобождает застрявшую ткань и ставит сумку на пол. Потом подходит ко мне. Я не отступаю, хотя слишком хорошо помню, как ещё вчера сама поправляла этот воротник.

— Через месяц сама поймёшь. Ты почти десять лет нормально не работала, Марин. Не надо сейчас доказывать обратное мне.

Глава 7. Девять утра

Кирилл берёт сумку и выходит, оставив дверь спальни открытой. Через минуту внизу срабатывает замок, затем глохнет звук машины. Я всё ещё стою у кровати и смотрю на вмятину, где он сидел.

Нормально не работала.

Если бы это сказал кто-то другой, я перечислила бы проекты последних лет. Перезапуск ресторана в Ярославле после отравления гостей. Переговоры с банком, когда стройка встала на восемь недель. Презентация, с которой Кирилл получил финансирование нового комплекса. Я разбирала цифры по ночам, созванивалась с директорами из детской раздевалки и правила его письма, пока Егор делал уроки рядом.

Только в трудовой книжке об этом ничего нет.

Из кухни доносится скрежет стула. Я спускаюсь. Соня сидит перед нетронутой тарелкой, Егор показывает ей парковку из конструктора. Дочь убирает телефон экраном вниз, когда видит меня.

— Папа уехал? — спрашивает она.

— Да. Пока будет жить в апартаментах при отеле. В среду заберёт вас после школы, если вы оба захотите.

Егор сразу кивает, Соня пожимает плечами. Я разогреваю ужин и сажусь рядом, хотя кусок не лезет в горло. Кириллово место напротив пустое. Не драматически пустое, а про-

сто неудобное: там лежит его зарядка, к спинке приставлена папка с документами, которую он забыл. Мне дважды приходится остановить себя, чтобы не написать ему об этом.

— Мам, ты теперь пойдёшь работать? — Егор вылавливает из супа морковь и складывает по краю тарелки.

— Я работаю.

— Как папа? Чтобы утром уходить? — Егор трогает меня за рукав.

Соня поднимает глаза. Видимо, слышала последнюю фразу Кирилла из коридора или догадалась по сумкам.

— Не знаю пока, — отвечаю честно. — Но может быть.

После ужина мы втроём смотрим глупую комедию, которую выбирает Егор. Он смеётся слишком громко, Соня почти не следит за экраном. В десять я укладываю сына, потом долго стою возле двери дочери. Стучать не приходится — она сама открывает.

— Я не хочу говорить про папу, — предупреждает Соня.

— Не будем. Только заберу кружку.

Она отдаёт мне чашку и неожиданно спрашивает, правда ли я работала вместе с отцом, когда они с Егором были маленькими. Я отвечаю, что с Соней на руках ещё ездила в офис, а после рождения брата решила сделать паузу. Планировала года на два. Дочь усмехается: Егору девять.

— Я умею считать, — говорю я.

— Тогда почему не вернулась?

Я опираюсь на дверной косяк. Можно обвинить Кирилла,

компанию, детей, бесконечные семейные задачи. Но решение каждый раз принимала и я: вот закончится стройка, вот Егор пойдёт в школу, вот Кирилл наймёт сильного заместителя. Удобно было думать, что мы всё равно строим общее.

— Каждый год казалось, что сейчас не время, — отвечаю я. — А потом к этому привыкаешь.

— Папа поэтому так сказал?

— Папа хотел сделать мне больно. Это тоже взрослая проблема, которую тебе не надо решать, — объясняю я.

Соня забирает кружку обратно — там осталось немного холодного какао — и закрывает дверь. Я иду в кабинет. На столе лежит договор по мебели, который Кирилл просил посмотреть. По привычке открываю папку, читаю первую страницу и нахожу пункт о неустойке, способный обойтись холдингу в несколько миллионов. Тянусь за телефоном, чтобы позвонить мужу, но останавливаюсь.

Ну и пусть теперь читает договор сам.

Я задвигаю папку подальше и включаю компьютер. На рабочем столе целое кладбище моих ночей: «Для КЛ финал», «Кризис Сочи новая версия», «Банк презентация». Везде стоит имя Кирилла или его инициалы. Так было проще. Файл уходил мужу, муж — на совещание, а я утром спрашивала, как всё прошло.

Создаю новый документ и зачем-то называю его «Резюме». Печатаю фамилию, год рождения, телефон. На строке «Последнее место работы» останавливаюсь. Девять лет на-

зад — честный ответ для отдела кадров. А прошлогодний объект с массовым увольнением куда? Я собирала директоров до четырёх утра, но письмо команде отправил Кирилл. Перед туроператором выступал тоже он, хотя половину фраз мы придумали здесь, за этим столом.

Ставлю курсор после слов «Независимый консультант» и удаляю их. Потом возвращаю. Опять удаляю. Глупость какая: в банке я не испугалась цифр, у адвоката — раздела имущества, а сейчас не могу заполнить одну строчку о себе.

В ящике стола нахожу старую визитницу. Половина номеров наверняка не действует, некоторые фамилии я вспоминаю с трудом. Зато помню чувство после удачных переговоров: выйти на улицу, купить кофе на заправке и только там позволить себе понять, что получилось. Я не хочу вернуть юность или доказать Кириллу, что он ошибся. Хочу снова отвечать за результат, на котором будет стоять моё имя.

Злость проходит быстро. Остаётся неприятное, гораздо более честное чувство. Я боюсь, что Кирилл прав хотя бы наполовину. Последнее собеседование было девять лет назад. Последняя официальная должность закончилась до того, как у половины нынешних директоров появились первые костюмы. Я знаю гостиничный бизнес, умею видеть слабые места, но рынок не обязан помнить женщину, которая давно работает из домашнего кабинета.

Открываю старую почту и набираю в поиске свою фамилию. В письмах появляются приглашения на конференции,

проекты, поздравления, предложения, которые я откладывала. Большинство давно потеряли смысл. Одно датировано мартом — полгода назад.

Андрей Воронцов. Тема: «Консультация по операционной модели».

Мы познакомились пятнадцать лет назад на переговорах по городскому отелю. Андрей представлял инвестора, я — компанию Кирилла. Тогда он трижды возвращал нам договор, а я на четвёртой встрече доказала, что его расчёты не учитывают сезонность. Сделка всё-таки состоялась, но после неё Воронцов при встрече называл меня «самым дорогим пунктом повестки».

Позже мы сталкивались ещё раз, когда его команда хотела закрыть убыточный ресторан при гостинице. Я предложила передать его местному оператору и оставила Андрея без скидки, которую он требовал по другому объекту. Он злился, спорил и в конце концов согласился. Значит, письмо весной появилось не из вежливости к жене знакомого бизнесмена.

Весной он писал коротко. «Марина, нужен независимый взгляд на один проект. Оплачиваемая консультация, две недели. Если готовы обсуждать — позвоните».

Я тогда отказалась сразу. Андрей работал в том же гостиничном рынке, а Кирилл как раз примерялся к нескольким активам. Даже обсуждать консультацию за его спиной казалось мне гадким. Воронцов не уговаривал: «Если обсто-

ятельства изменятся, вы знаете, где меня найти».

Нажимаю «Ответить». «Андрей, добрый вечер. Если предложение ещё актуально, я готова поговорить». Получается так, будто последние полгода я сидела у почты и ждала. Меняю конец на «хочу вернуться к работе». Теперь будто прошусь. Возвращаю первый вариант — хватит уже редактировать четыре строчки.

После отправки успеваю закрыть ноутбук, отнести кружки в мойку и вернуться проверить, не допустила ли ошибку в фамилии. В почте уже лежит ответ: «Завтра. 09:00». Воронцов добавил адрес и написал, что пропуск будет на ресепшен. Всё. Даже «добрый вечер» мне не вернул.

Я смеюсь — негромко, чтобы не разбудить детей. За трое суток это первая вещь, которую я сделала не для Кирилла, Ксюши или нашего развода. И первая причина поставить будильник ради себя.

Глава 8. Андрей Воронцов

На следующий день в восемь пятьдесят семь я стою у дверей «Атласа» и перечитываю пустой экран телефона. Прячусь, значит. Убираю его в сумку, прикладываю пропуск и захожу в лифт.

Офис устроен на верхних этажах старого здания у реки. Здесь нет мрамора, которым Кирилл любит отделывать холлы: доски пола поскрипывают, на серых полках стоят немного пыльные макеты отелей. Девушка на ресепшен предлагает кофе. Я зачем-то отказываюсь и уже по дороге к кабинету жалею — после улицы не чувствую пальцев.

Воронцов встречает меня у окна. За прошедшие годы у него прибавилось серебра у висков, а привычка читать документы стоя осталась. Он кладёт раскрытую папку на стол и смотрит на часы.

— Восемь пятьдесят семь. Вы стали мягче.

— Я решила не пугать вашу охрану приездом в восемь тридцать, — отвечаю я.

— Зря. Они давно расслабились. — Андрей пожимает мне руку и кивает на кресло. — Кофе?

— Уже жалею, что отказалась.

Он нажимает кнопку связи и заказывает две чашки, не спрашивая, какой мне нужен. Потом всё-таки уточняет про молоко, и эта маленькая поправка успокаивает сильнее лю-

безностей. Андрей никогда не был человеком, который угадывает чужие желания и гордится попаданием. Ошибся — спросил.

— Моё весеннее предложение больше не существует, — говорит он, усаживаясь напротив. — Тот аудит мы закончили без вас. Сейчас задача сложнее. И сначала я хочу понять, почему вы передумали.

Я подготовила профессиональный ответ про свободное время и желание вернуться в операционную работу. Произношу первую фразу и останавливаюсь. Он узнает о разводе через час, если уже не знает. Строить деловые отношения с удобной версии бессмысленно.

— Три дня назад я узнала, что мой муж восемь месяцев встречается с моей сестрой. Она беременна. Я подаю на развод и больше не считаю интересы его холдинга своими.

Андрей не произносит ни одного из тех слов, которыми люди обычно закрывают неловкость. Не говорит, что сожалеет, не ругает Кирилла. Только отодвигает нетронутый кофе.

— Об этом ещё кто-нибудь знает?

— Семья и адвокаты. Дети знают необходимый минимум. Публично — никто.

— Тогда до решения юристов эта информация останется в комнате. Но конфликт интересов у нас серьёзнее, чем весной.

— С чем именно сейчас работает «Атлас»? — Я отодви-

гаю чашку.

— С Лавровым.

Он не смягчает фамилию словом «ваш муж». Я ставлю чашку, к которой так и не прикоснулась.

— Кирилл покупает ваш объект?

— Пока скажу только, что его группа пытается получить контроль над нашей сетью. Детали вы увидите, если вас допустят. — Андрей открывает блокнот. — Теперь перечислите всё, к чему имели доступ дома. Без попытки решить за меня, важно это или нет.

Я начинаю с последнего года. Презентации совета директоров, несколько моделей по рынку, материалы по потенциальным сделкам, письма партнёрам, кризисы объектов. Внутреннюю почту мне не открывали, однако Кирилл пересылал документы на личный адрес. Я иногда участвовала в звонках без протокола. Андрей записывает и ни разу не перебивает, пока список не заканчивается.

— Значительная часть информации могла устареть, — добавляю я. — Но я знаю, как Кирилл ведёт переговоры и где обычно ищет давление. От этого стену не поставишь.

— И не нужно делать вид, что поставили. Нужны правила, которые можно проверить. Вы готовы работать, не используя то, что знаете от мужа?

— Если задача требует угадывать его закрытую цену — нет. Если нужно разобраться в проблемах вашей компании — да.

Андрей впервые улыбается. Быстро, одним уголком рта.

— Вот за это я и позвал вас весной. На наших старых переговорах все пытались угадать, какую уступку я приму. Вы единственная доказали, что я неправильно считаю собственный объект.

— Вы тогда два часа доказывали, что я не понимаю рынок, — напоминаю я.

— Три. А потом заставили меня самому пересчитать загрузку по месяцам. — Он переворачивает страницу блокнота. — Я хорошо запоминаю людей, из-за которых приходится признавать ошибки перед своей командой.

В его словах нет комплимента. Скорее старое профессиональное раздражение, которое за годы превратилось в уважение. Мне подходит именно оно. С жалостью я бы сейчас не справилась.

В кабинет входят двое юристов. Следующий час они задают вопросы точнее и неприятнее. Подписывала ли я обязательства о конфиденциальности, занимала ли должность в компании Кирилла, получала ли оплату за последние консультации, какие файлы хранятся на домашнем компьютере. Я не защищаюсь и не преуменьшаю. Домашние файлы использовать нельзя. Любое пересечение нужно фиксировать. Доступ к материалам «Атласа» — только после письменного заключения.

Старший юрист записывает будущие правила: отдельный рабочий ноутбук, новая почта, запрет переносить хоть один

домашний файл. Если я узнаю в документе сведения, которые видела у Кирилла, сразу прекращаю чтение и отмечаю пересечение. На встречах по закрытым предложениям Лаврова меня может не быть вовсе.

— При таких ограничениях я часть времени потрачу, чтобы не знать лишнего, — предупреждаю Андрея.

— Зато потом никто не сможет объяснить ваш результат украденной таблицей, — отвечает он. — Включая меня.

— Может оказаться, что нам придётся отказать, — предупреждает старший юрист.

— Тогда откажете сейчас, а не после того, как моя работа даст Кириллу повод остановить ваш проект через суд.

Андрей откидывается на спинку кресла. На его правой руке нет кольца. Он развёлся около семи лет назад; общих детей с бывшей женой не было, а расставание прошло так тихо, что деловая пресса написала о нём одной строкой. Никаких историй о предательстве, которыми он мог бы сейчас попытаться сделать нас союзниками.

Юристы уходят проверять документы. Андрей проводит меня в небольшую переговорную и кладёт передо мной обезличенный отчёт по трём объектам. Цифры можно читать без доступа к сделке.

— Десять дней, — говорит он. — Оплачиваемый аудит. Должности пока нет, обещания постоянной работы тоже. Вы смотрите то, что разрешат юристы, и показываете, где мы врём сами себе. Я смотрю, осталась ли у вас привычка нахо-

дить неприятное.

— А если юристы не допустят?

— Получите оплату за сегодняшнюю консультацию и уйдёте. Я не прошу рисковать ради красивого возвращения, — отвечает Андрей.

Мне не нравится испытательный тон, и именно поэтому предложение звучит честно. Андрей не спасает брошенную жену и не обещает должность за старые заслуги. Ему нужна работа, мне — возможность доказать, что я всё ещё её умею.

Через сорок минут юрист возвращается с предварительными условиями информационного барьера. Решение окончательно примут к вечеру, но с открытыми данными я могу начать сейчас. Андрей включает экран и показывает схему собственности «Атласа».

Его пакет — тридцать шесть процентов. Двадцать распределены между менеджментом и миноритариями. Самый большой прямоугольник, сорок четыре процента, выделен красным.

— Фонд выставил пакет на продажу, — говорит Андрей. — А вот главный покупатель.

На экране появляется название группы Кирилла Лаврова.

Глава 9. Сорок четыре процента

Название на экране мне слишком знакомо. Такой же тёмно-синий знак стоит на папках, которые годами приносили к нам домой. Я выбирала его, когда у Кирилла был один отель и арендованный кабинет.

Теперь его фамилия лежит поверх красного прямоугольника в схеме чужой компании.

— Он покупает все сорок четыре процента? — спрашиваю я.

Андрей выключает уведомления на телефоне и возвращается к столу. У него движение человека, который уже много раз объяснял эту схему и каждый раз надеялся найти в ней другую арифметику.

— Фонд вошёл в «Атлас» семь лет назад. Срок инвестирования закончился, комитет дал им ещё год на выход. Этот год заканчивается через четыре месяца. Они продают пакет целиком, а Лавров предложил цену, которую трудно назвать неразумной.

— Но можно назвать недостаточной? — уточняю я.

— Для меня — да. Для фонда важнее доходность и срок расчёта. Они не обязаны сохранять мне управление из дружеских чувств.

Он увеличивает схему. От пакета фонда идут две стрелки: к группе Кирилла и к пустому серому полю «альтернативный

инвестор».

— Ваши тридцать шесть процентов не дают блокировать сделку, — говорю я. — Но после покупки у Кирилла будет только сорок четыре. Ему всё равно потребуются голоса миноритариев.

— Часть менеджмента финансировала свои доли кредитами. Угадайте, кто уже предложил помочь им с рефинансированием.

Я знаю ответ прежде, чем Андрей произносит фамилию. Кирилл редко начинает переговоры с главного человека. Сначала он находит тех, кому неудобно ждать, и превращает их тревогу в рычаг.

— Сколько у вас времени?

— Фонд планировал рассмотреть предложение через три недели. Пока планировал. Лавров торопит их и готов закрыться быстро, — отвечает Андрей.

Андрей открывает финансовую модель. Я машинально тянусь к блокноту, который оставил юрист, и останавливаюсь. На домашнем столе лежит десяток таких же таблиц Кирилла. Я не помню точных цифр, но могу узнать структуру расчёта, типовые коэффициенты, последовательность строк. Сегодня мне нельзя даже случайно принести сюда ответ из его кабинета.

— Это модель «Атласа»? — уточняю я.

— Полностью наша. Подготовлена до получения предложения. Дата создания стоит в журнале.

Только после этого я записываю первое число. У компании большой долг: новый объект открыли позже срока, проценты выросли, а банк потребовал быстрее вернуть часть основного тела. Два городских отеля держатся уверенно. Курортный на Балтике не добирает загрузку, загородный комплекс съедает деньги рестораном и пустыми буднями, ещё один объект открылся в худший месяц и до сих пор продаёт номера со скидкой.

— Если фонд останется ещё на год, вы успеете поправить показатели? — спрашиваю я.

— Скорее всего. Только фонд не хочет ещё год. Его инвесторы уже спросили, почему деньги до сих пор здесь.

— А вы что им отвечаете? — Я киваю на презентацию.

Андрей разворачивает ко мне презентацию. Дальше идут отремонтированные номера, рост прямых бронирований и прогноз по следующему сезону. Сделано дорого, чисто и совсем не туда.

— Что компания недооценена, — говорит он. — Что провальные объекты выходят на плановую загрузку. Что через двенадцать месяцев пакет будет стоить дороже.

— Вы предлагаете им ещё год оплачивать вашу надежду, — говорю я. — Чтобы однажды продать дороже.

Андрей катает по столу карандаш. Он доезжает до края, и я ловлю его прежде, чем тот падает.

— Не самая приятная версия моей презентации.

— Зато короткая. Можно сразу увидеть, почему она не

работает, — отвечаю я.

Помощница приносит кофе и сэндвичи. Я спохватываюсь только при виде часов: Егору обещала написать после встречи. Отправляю фотографию стаканчика с подписью «Я на работе. Настоящей». Сын интересуется, дают ли здесь булочки бесплатно, и добавляет три огонька. Слово «молодец» он уже считает детским, поэтому хвалит меня огнём.

Павел Никитин, финансовый директор, застаёт меня с телефоном в одной руке и пойманным карандашом в другой. У него помят ворот рубашки и синий след маркера на среднем пальце. Он раскладывает бумаги, садится, тут же встаёт, чтобы придвинуть стул ближе к экрану.

— Прогноз по Балтике консервативный. Август может дать ещё семь процентов, если погода не подведёт.

— А если весь месяц будет лить? — спрашиваю я.

Павел оглядывается на Андрея. Тот забирает у меня карандаш и спокойно кивает ему на свободный стул.

— Мы не строим стратегию на дожде.

— Вы как раз строите её на солнце. Почему объект третий сезон не заполняет будни? — Я придвигаю таблицу.

Он показывает туристический поток, новые рейсы, рост запросов. Людей в регионе стало больше, а в их отеле — почти нет. Через двадцать минут из объяснений выпадает договор с туроператором: «Атлас» дал ему низкую цену на весь сезон, тот выкупил минимум, зато рынок приучился ждать скидку.

— Договор продлевали в прошлом году? — спрашиваю я и по тому, как Павел сдвигает распечатки, понимаю ответ. — Уже после того, как потеряли сезон?

За его раздражением нет некомпетентности; есть усталость человека, который четыре месяца носит на встречи одни и те же плохие числа и обещает, что они скоро станут хорошими.

— Да, — отвечает он. — Поздно исправили.

Андрей не вмешивается, делает пометки и даёт нам дойти до неприятного места без помощи. Мы спорим о цене пустого номера и о загородном комплексе, где, по словам Павла, сокращать больше некуда.

— Тогда покажите, где уже сократили.

— Уволили двадцать семь человек, объединили смены, закрыли ночную кухню, — перечисляет Павел.

— А банкетный зал по вторникам всё ещё отапливают целиком ради одной корпоративной йоги?

Он впервые смотрит на меня с интересом.

— Откуда вы знаете про йогу?

— В примечании к коммунальным расходам указан подрядчик и время занятия. Я читаю то, что вы принесли, — отвечаю я.

Павел находит строку с моим знаком вопроса. Экономия на отоплении не спасёт компанию, зато показывает, сколько решений никто не пересматривал, пока руководство доказывало собственную правоту.

К четырём часам стол покрыт бумагами. На каждой презентации одни и те же слова: временное отклонение, потенциал, восстановление, ожидаемый рост. Ни на одном листе нет честного ответа, что фонд получит, если задержится ещё на год и очередной прогноз снова не сбудется.

— У вас есть право преимущественной покупки? — спрашиваю Андрея.

— Есть право присоединиться к предложению на тех же условиях. Денег на весь пакет у меня сейчас нет. Занять столько под текущий долг компании означает задушить и себя, и «Атлас».

— Банк даст финансирование Кириллу? — спрашиваю я.

— Его группе — да. Для них это расширение сети и понятное обеспечение. Он пришёл в правильный момент.

Я слышу в этих словах спокойное признание силы противника. Андрей не утешает себя тем, что Кирилл злодей, а значит обязан проиграть. В переговорах нравственные качества редко меняют ставку кредита. Кирилл подготовился, нашёл продавца, которому важна скорость, и покупает контроль тогда, когда нынешний собственник связан долгом.

— Покажите переписку с фондом, которую мне разрешено видеть.

Павел открывает папку. Последние письма короткие: фонд запрашивает график выхода, Андрей просит отсрочку, представители фонда требуют обновлённый прогноз и называют предложение Лаврова «экономически предметным».

«Атлас» в ответ присылает ещё сорок страниц о качестве бренда и растущем рынке внутреннего туризма.

Я перечитываю одно письмо дважды. Фонд нигде не просит убедить его, что компания прекрасна. Он просит вернуть вложенные деньги с доходом в пределах своего срока.

— Где список других покупателей? — спрашиваю я.

Павел поправляет манжет.

— Мы не выносили пакет на рынок. Это собственность фонда, они сами ведут процесс.

— А фонд искал кого-то кроме Кирилла? — Я листаю переписку дальше.

— Через своего консультанта. Интерес был, до предложения не дошло.

— Почему? — не отпускаю я.

— Долг, слабые объекты, риск конфликта с основателем. Вы ведь сейчас всё это видели.

— Видела. И ещё видела, как вы четыре месяца убеждаете продавца не продавать, — отвечаю я.

Андрей кладёт карандаш на стол. За стеклянной стеной сотрудники собираются уходить: закрывают ноутбуки, надевают пальто, переговариваются возле лифта. В переговорной пахнет остывшим кофе и бумагой из горячего принтера. Я провела здесь целый день и впервые за много лет устала от работы, за которую мне не нужно будет благодарить мужа.

На экране открыто письмо фонда. Андрей ждёт продолжения, Павел явно готов спорить, и я провожу пальцем по

последней строке запроса.

— Вы отвечаете не на тот вопрос.

— А на какой надо? — спрашивает Андрей.

— Кто купит их пакет вместо Лаврова?

Глава 10. Дать им выбор

— Кто купит их пакет вместо Лаврова? — повторяет Андрей и отодвигает от себя презентацию. — Если бы у меня было имя, оно уже стояло бы в сером прямоугольнике.

— А вы хоть раз выписали все имена, которые могли бы там оказаться? — Я киваю на серое поле. — Сейчас у фонда на столе деньги Кирилла. Рядом лежит ваша просьба потерпеть.

Павел снимает очки и долго ищет, чем их вытереть. Потом сдаётся и проводит по стеклу краем рубашки.

— С нашими показателями приличный долгосрочный инвестор не войдёт. А тот, кто войдёт, вывернет Андрею руки по цене и управлению. На его фоне Лавров ещё покажется удобным.

— Сегодня — покажется. Мне нужны условия, при которых через два месяца это перестанет быть правдой.

— Какая щедрость. Осталось уговорить фонд подарить нам эти два месяца.

Я забираю со стола маркер. Он подсох и оставляет на доске рваный синий след. Приходится обвести слова дважды: долг, рост, контракт, инвестор.

— За перечень благих намерений времени не дадут, — соглашаюсь я. — Значит, каждую строку придётся подтвердить. По долгу — документ банка с новым графиком. По ро-

сту — два отдельных объекта и недельные показатели, без среднего по сети. Фонд должен видеть, где именно меняется цифра.

Павел возвращает очки на переносицу.

— Банк послал нас в мае.

— С тех пор вы продали участок и открыли городской объект. Пусть пошлёт ещё раз, уже на новых данных. Нам нужен ответ текущей датой, — говорю я.

Он хочет возразить, но Андрей коротко кивает: продолжайте. Я дописываю третью строку. Большой контракт нужен не ради новости в деловой прессе. Он должен дать будущую выручку, которую можно положить в модель: управление чужим отелем, корпоративное размещение, операторский договор — то, что «Атлас» способен выиграть без покупки ещё одного здания на заёмные деньги.

— А инвестор возникает из воздуха после трёх хороших недель? — Павел возвращает мне мой же вопрос.

— Нет. Его начинают искать сегодня. Он должен видеть не идеальную компанию, а понятную цену риска и людей, которые этот риск уменьшают.

— Консультант фонда уже показывал пакет рынку, — напоминает Павел.

— Он продавал долю в компании с конфликтом акционеров и срочным выходом. Мы предложим участие в компании, где основатель готов разделить контроль на заранее оговорённых условиях.

— Вы сейчас торгуетесь моими правами, — говорит Андрей.

— Ваши права всё равно будут предметом торга. Кирилл получит почти половину и начнёт собирать голоса. Другой инвестор спросит, как защищён его пакет и что произойдёт при следующем конфликте. Можно сделать вид, что вопрос о контроле оскорбителен, или заранее решить, чем вы готовы поделиться.

За стеклом гаснет свет в соседней переговорной. Павел собирает листы в аккуратную стопку, но не уходит. Андрей смотрит на четыре строки и постукивает карандашом возле последней.

— Десять дней на аудит превратились у вас в два месяца спасения компании за первый рабочий день.

— Пока это гипотеза. За десять дней я скажу, жизнеспособна ли она. А сегодня мне нужен перечень потенциальных покупателей: тех, кого фонд уже касался, и тех, кого не звали из-за конфликта с вами. Ещё банковские письма, календарь тендеров, цифры по двум объектам без сглаживания и человек от операций, который не считает презентацию важнее гостиницы, — перечисляю я.

Павел поднимает взгляд к потолку.

— Желательно к утру?

— Список покупателей — через час. Остальное утром.

— Я уже начинаю понимать, почему Андрей вас запомнил, — сухо замечает он, забирает ноутбук и выходит. Ан-

дрей остаётся у доски и фотографирует мои четыре строки.

— У вас дома ждут? — спрашивает он.

Вопрос звучит буднично, но слово «дома» цепляет. Сегодня Кирилл должен увидеть Егора. Среда наступила незаметно, и я обещала вернуться до семи. Соня утром так и не решила, будет ли ужинать с отцом. Я не хочу превращать первый рабочий день в удобный способ не присутствовать при их встрече.

— Дети. В семь мне нужно уйти.

— Уйдёте в половине седьмого. Здесь никто не получает медаль за ночёвку в офисе, — решает Андрей.

— Вы сами останетесь.

— У меня нет детей, которым я обещал ужин, — отвечает он.

Он произносит это без жалобы. Я знаю, что детей в его браке не было, и не спрашиваю почему. Андрей тоже не задаёт вопросов о моём разводе.

Павел возвращается без стука и отправляет на общий экран таблицу. Двадцать три строки: гостиничные группы, два фонда, семейный офис, управляющая компания с Ближнего Востока. Напротив половины стоят даты и короткие примечания. «Не рассматривают Россию». «Нет аппетита к миноритарным пакетам». «Конфликт с основателем». «Долговая нагрузка».

— Кто здесь способен принять решение быстро? — спрашиваю я.

— Никто за шесть недель, — отвечает Павел. — За два месяца теоретически успеют четыре. Если им вообще интересно.

Он выделяет фонд, две российские группы и семейный офис. Один игрок весной смотрел объект «Атласа», второй ищет выход в гостиничный бизнес, третий работал с Андреем, четвёртый требует места в совете и права вето.

— Пишите всем четырём, — говорю я.

— От чьего имени? Пакет нам не принадлежит.

— Не продавайте пакет. Спросите, готовы ли они рассмотреть инвестицию при определённых условиях и подписать соглашение о конфиденциальности. Нам сейчас нужен подтверждённый интерес, а не договор купли-продажи, — объясняю я.

Андрей листает примечания.

— Добавьте Северный пенсионный пул и «Орион».

Павел морщится: «Орион» отказал консультанту две недели назад.

— Второй отказ много времени у них не отнимет, — отвечаю я. — Может быть, в нём хотя бы будет полезная причина.

Инвестиционного директора перехватывают уже на парковке. В письме у него «уникальная возможность», «лидирующая платформа» и столько страховочных оговорок, что до цифр надо добираться с мачете. Он хмурится, когда я сокращаю первую страницу до трёх абзацев. Андрей возвращает

обязательную фразу для юристов, Павел ставит срок ответа — и спор наконец заканчивается.

В половине седьмого я запираю ноутбук в шкафу. На улице моросит, у входа пахнет мокрым камнем и пережжённым кофе из киоска. По привычке ищу машину Кирилла, замечаю в руках ключи от метро, которые достала ещё утром, и смеюсь себе под нос. Первое возвращение с работы проходит в толпе и с чужим зонтом возле щеки.

Егор караулит в прихожей. Он налетает на меня, но быстро отступает — девять лет, объятия полагается выдавать дозированно.

— Папа уже тут. Пиццу заказал. А Соня закрылась.

Кирилл раскладывает коробки на кухне, будто вернулся из короткой командировки. Галстук снят, рукава закатаны, рядом с тарелками салфетки из любимого Егором ресторана. Мой пропуск «Атласа» висит поверх пальто; спрятать его я не успела.

— Как первый день? — произносит он наконец.

Егор уже тянется за куском с грибами. Я снимаю пропуск и кладу в сумку.

— Рабочий. А где — расскажу, когда буду обязана.

Он удерживает улыбку для сына, однако салфетку складывает в слишком узкую полоску. Кирилл не привык, что доступ к сведениям закрывают ему. Мне хочется задержаться и посмотреть, как он подбирает правильный тон, но из комнаты выходит Соня. Разговор обрывается, потому что её

молчание сейчас важнее нашей борьбы.

Вечер проходит неровно. Егор предлагает отцу посмотреть конструктор, забыв, что тот больше не останется ночевать. Соня садится с нами на десять минут и почти не говорит. Когда Кирилл уезжает, сын машет из окна, а дочь закрывает дверь своей комнаты.

На следующее утро в офисе меня ждут первые ответы. «Орион» отказывает без встречи: долговая нагрузка и корпоративный конфликт не соответствуют мандату. Одна гостиничная группа не готова покупать миноритарный пакет. Семейный офис просит больше данных, но через сорок минут возвращается с вежливым «нет» после упоминания сроков фонда.

— Три отказа до десяти утра, — говорит Павел и ставит рядом со мной чай. — Вы собираетесь убеждать фонд списком людей, которые нас не хотят?

— Я собираюсь понять, за что нас не хотят. Соберите причины в отдельную колонку.

Андрей входит во время этих слов. Ночевать он всё-таки ездил домой, но побриться не успел, и тёмная щетина делает его лицо жёстче. В руке у него телефон с открытым письмом.

— Плохие новости уже не ваши, — говорит он. — Фонд получил от Лаврова обновлённое предложение.

Павел перестаёт печатать.

— Они просили три недели на анализ.

— Больше не просят. Комитет переносит рассмотрение,

— отвечает Андрей.

Андрей кладёт телефон передо мной. В письме указаны новая дата и время. Я проверяю календарь, хотя ошибиться в двух числах невозможно.

До заседания фонда остаётся шесть дней.

Глава 11. Жена покупателя

Шесть дней — четыре рабочих дня, один выходной и утро заседания. Я успеваю разложить срок на задачи, прежде чем Павел говорит:

— Нам крышка.

— Сколько времени нужно банку на ускоренный пересмотр? — спрашиваю я.

— Если Андрей лично позвонит — неделю. Если произойдёт чудо — дня три до предварительного ответа.

— Значит, просите хотя бы письмо о начале процедуры. Фонду важна проверяемая работа, а не завершение всего мира к понедельнику.

Павел уже открывает банковскую переписку, когда Андрей просит нас вернуться в большую переговорную. Там ждёт руководитель юридической службы «Атласа» Сергей Беляев. Вчера он задавал мне вопросы о домашних файлах, сегодня перед ним лежит распечатанное письмо с красной пометкой «получено в 10:17».

— От группы Лаврова, — говорит Сергей. — Формально от внешних юристов. Они требуют немедленно прекратить ваш доступ к материалам сделки.

Кирилл поступил с риском привычно: передал специалистам и заставил двигаться быстро.

— На каком основании? — спрашиваю я.

Сергей переворачивает письмо ко мне. В тексте нет измены и развода — только возможное использование конфиденциальной информации. За годы брака я могла видеть планы приобретений, модели стоимости, банковские условия. Это правда, и оттого письмо опаснее выдумки.

— Они утверждают, что госпожа Лаврова способна повлиять на конкурирующее предложение, — поясняет Сергей. — И отдельно предупреждают об ответственности за использование объектов интеллектуальной собственности группы.

— Каких именно?

— Формулировка широкая. Методики оценки, финансовые модели, презентационные материалы, переговорные сценарии, базы контрагентов, — перечисляет Сергей.

«Сценарии» годами лежали на моём компьютере без фамилии автора. Кирилл говорил: «Набросай, как лучше зайти», потом уходил на встречу с моими вопросами и запасным вариантом. Я не ставила подпись, потому что считала это нашим делом.

— У них есть доказательства передачи информации? — спрашивает Андрей.

— Не указаны. Пока это предупреждение, а не иск.

— Тогда продолжим по установленному барьеру, — решает Андрей.

Он говорит спокойно, но Сергей не убирает письмо.

— Нет. До окончания проверки Марина не получает но-

вые материалы по сделке, банку и инвесторам. Мы также поднимем журнал доступа за вчера и сегодня.

Андрей кладёт телефон на стол чуть резче, чем обычно.

— Через шесть дней у нас заседание.

— А через семь может быть обеспечительная мера, если мы проигнорируем обоснованное уведомление. Тогда заседание станет меньшей проблемой, — отвечает Сергей.

Я вмешиваюсь раньше Андрея. Получить работу под своим именем и сразу превратить её в сноску к судебному спору я не хочу.

— Приостанавливайте доступ, — говорю я.

Он поворачивается ко мне.

— Вы понимаете, что мы потеряем сегодня?

— Да. Лучше потерять день сейчас, чем потом проиграть суд. И Кирилл знает, что мы спешим. Если рванём дальше после письма, он получит именно ту ошибку, на которую рассчитывает, — говорю я.

Сергей впервые перестаёт обращаться со мной как с предметом проверки. Придвигает чистый лист и начинает диктовать перечень действий: ноутбук остаётся у юристов, доступ к облаку блокируется, все мои заметки фотографируются и запечатываются. Работать можно только с общедоступными источниками, не связанными с предложением фонда. До вечера я обязана восстановить происхождение каждой схемы и таблицы, к которой прикасалась.

— Мой телефон тоже? — спрашиваю я.

— Личный не имеем права забирать. Но переписку по проекту покажете добровольно либо мы зафиксируем отказ.

Я открываю рабочий чат. Там фотография доски, которую сделал Андрей, сообщение Павла с причинами отказов и две ссылки на публичную статистику. Сергей снимает копию. Андрей стоит у окна, пока юристы забирают ноутбук. За стеклом по набережной тянутся машины; дождь закончился, но на окнах остались мутные дорожки.

— План вы помните? — спрашивает он, когда мы остаёмся вдвоём.

— Кирилл тоже мог его понять. Для этого не нужен доступ к его документам.

— Я спрашиваю о другом. Сможете работать без своих старых наработок? — Андрей остаётся у окна.

Вопрос задевает точнее, чем официальное письмо. Вчера я думала, что вернулась благодаря навыку. Сегодня должна доказать, что навык не принадлежит компании мужа вместе с файлами, которые я для неё создавала.

— Вот и узнаем, — отвечаю я.

Андрей задерживается у двери. Напоминает, чтобы домашний компьютер я не отдавала без своего адвоката, и ждёт — то ли благодарности, то ли обещания. Я убираю блокнот в прозрачный пакет, выданный Сергеем.

— С компьютером разберусь. Идите спасать банк.

Он уходит, не став моим защитником даже на пять минут. Так честнее для нас обоих. Я набираю Елену Давыдову;

та дослушивает только до слов «интеллектуальная собственность» и требует письмо.

— Пересылаю. В штате у Кирилла я была директором по развитию, лет пятнадцать назад. Обычный трудовой договор, конфиденциальность — всё подписывала.

— После увольнения хоть бумажку оформили?

— Мы были мужем и женой, Лена. Какая бумажка? — Я смотрю на запечатанный блокнот.

— Очень дорогая, судя по сегодняшнему утру. Он платил вам за работу?

Я смотрю на пятно от чашки. Кирилл иногда называл перевод на мой счёт премией, но в назначении платежа ставил «семейные расходы». Тогда мы смеялись, что банк знает о нашей семье больше, чем налоговая.

— За конкретный проект — ни разу.

— Прекрасно, — ворчит Елена, и по щелчкам в трубке я слышу, как она печатает. — Дома не трогайте даже папку «старое и ненужное». Мой специалист снимет копию диска при вас.

— А потом вы объясните, какие мысли в моей голове принадлежат бывшему работодателю?

— Если найдёте юриста, который умеет залезать в голову, пришлите мне номер. Пока начнём с файлов, — отвечает Елена.

Я исписываю три листа названиями проектов. Возле Ярославля могу назвать директора и дату; возле спора с туро-

ператором — только поздний звонок Кирилла и утренний файл без подписи. Несколько раз ловлю себя на желании записать: «Все знали, что это делаю я». Кто именно — не помню. В нашем доме слово «все» обычно означало мужа.

Павел тормозит возле стеклянной двери, хотя ему велено не обсуждать со мной сделку.

— Можно спросить, вы яблоки едите?

— Это новый банковский инструмент? — спрашиваю я.

— Это мой обед. Банковские инструменты сегодня ещё кислее.

Он подкатывает яблоко по столу и уходит, пока Сергей не заметил нарушение режима. Я смеюсь слишком громко для пустой переговорной и всё-таки откусываю. Кислое до слёз.

К трём Сергей приносит первый отчёт. Нарушений доступа нет. Я открывала только разрешённые папки, ничего не скачивала, писем наружу не отправляла. Это снимает опасность немедленного обвинения, но не вопрос о том, что находится у меня в голове.

— Покажите записи, которые сделали вчера, — просит он.

Я отдаю блокнот. Четыре направления, вопросы к банку, список инвесторов, замечания по Балтике. Сергей вызывает ещё двух юристов. Они просят меня объяснить, почему показатели разложены именно так, откуда взялась матрица причин отказа и почему я предложила отдельный недельный контроль слабых объектов.

— Потому что общий процент загрузки скрывает провал,

— отвечаю я. — Если сильный городской отель растёт, а Балтика падает, среднее успокаивает совет и ничего не чинит.

— Где вы впервые применяли этот подход?

Я собираюсь сказать: в Сочи, шесть лет назад. Потом вспоминаю более ранний случай — первый отель Кирилла, проваливший корпоративные продажи после смены директора. Тогда я ещё числилась в компании. Я разбила клиентов по причинам отказа, заставила отдел звонить тем, кто ушёл, и вывела на доске почти те же четыре колонки.

— Лет четырнадцать назад, — говорю я. — В группе Лаврова. Схему делала сама.

Сергей просит точное название проекта и отправляет запрос юристам Лаврова. Те отвечают быстро: к письму добавляют мой старый договор, положение о служебных произведениях и презентацию, которую я не видела много лет. На титульном листе имя Кирилла, а внутри — мои формулировки, даже старая опечатка в слове «корпоративный».

— Авторство можно подтвердить, — говорит один из юристов. — Но исключительное право на материал, созданный в рамках должностных обязанностей, вероятнее всего, перешло работодателю.

Я смотрю на старую таблицу и на свой новый блокнот. Между ними четырнадцать лет, двое детей, десятки кризисов — и слишком похожая привычка раскладывать проблему по причинам.

Часть методов, которыми я пользуюсь автоматически,

действительно выросла из материалов, созданных для компании Кирилла. Юридически всё оказывается гораздо сложнее, чем я обещала Андрею.

Глава 12. Почему именно он

— Получается, автор я, а пользоваться своей же схемой могу только с разрешения Кирилла? — спрашиваю я.

Сергей закрывает старую презентацию, однако её синяя сетка остаётся у меня перед глазами.

— Конкретным файлом, оформлением и текстом — вероятно, нет. Общим опытом и идеей разделять причины — да. Граница проходит не по одной линии, и сегодня мы её не проведём.

— А сегодня нам нужен мой доступ.

— Сегоднявы продолжаете паузу, — отвечает Сергей.

Андрей по громкой связи предлагает поручить мой блок другому сотруднику. Я отказываюсь передавать заметки, пока юристы не отметят, какие из них допустимы. Он раздражённо напоминает о шести днях. Я напоминаю о письме, которое его же юрист назвал обоснованным. На этом разговор заканчивается, и к четырём меня отпускают домой — без ноутбука, без материалов и с обещанием предварительного заключения завтра утром.

Я рассчитываю провести свободные часы с детьми, но Егор ушёл на тренировку, а Соня занимается у подруги. Дом встречает меня запахом вчерашней пиццы, забытой под крышкой микроволновки. Я выбрасываю сухие куски, открываю окно и начинаю разбирать кухонный ящик, который

три года обещала привести в порядок. В нём лежат резинки, батарейки, старые чеки и свеча в виде цифры восемь. Работа, которой не нужно думать.

Звонок раздаётся, когда я пытаюсь понять, от какого замка остался маленький ключ. На экране домофона — Ксюша. Она стоит боком к камере, прижимает к животу светлое пальто и ёжится от ветра.

— Я одна, — говорит она прежде, чем я спрашиваю. — Мамы нет. Кирилла тоже.

Можно не открывать. После больницы я ничего ей не должна, кроме тех границ, которые уже обозначила. И всё же нажимаю кнопку: в этом доме живут мои дети, а тайные разговоры уже один раз дошли до Сони через закрытую дверь. Я выхожу на террасу и оставляю вход в комнаты запертым.

Ксюша поднимается по мокрым ступеням медленно. На ней плоские ботинки, которых я раньше не видела, под глазами серые круги. Живот за несколько дней не мог стать больше, но теперь я замечаю его прежде её лица. Видимо, раньше сестра всё ещё была для меня Ксюшей, а беременность — страшным словом врача. Теперь живот приносит с собой Кирилла в любую сцену.

— Тебе нельзя мёрзнуть, — говорю я и тут же злюсь на привычку заботиться. — Садись. Раз уж приехала.

На террасе прохладно. Я включаю обогреватель, но плед не предлагаю. Ксюша выбирает край кресла, на котором мы летом пьём чай, и держит сумку на коленях.

— Я хотела объяснить.

— За восемь месяцев не объяснила. Попробуй сейчас, — предлагаю я.

Она начинает с того, что никогда не собиралась разрушать мою семью. Фраза настолько плохо соединяется с её поступками, что я даже не перебиваю. Ксюша путается, оправдывает Кирилла усталостью, меня — занятостью детьми, себя — одиночеством. Каждому находит мягкую причину, чтобы предательство выглядело несчастным случаем.

— Почему он? — спрашиваю я, когда она третий раз произносит, что «так получилось». — В городе закончились свободные мужчины?

— Ты думаешь, я выбирала по списку?

— Я думаю, у тебя были месяцы, чтобы остановиться, — отвечаю я.

Ксюша наматывает ремень сумки на ладонь. Раньше в трудных разговорах она ждала, когда я найду выход. После проваленного экзамена я договаривалась о пересдаче, после увольнения — о собеседовании. Бывший жених вынес её деньги и пропал, а она приехала сюда с одной майкой в пакете. Я нашла юриста, квартиру и ещё две недели звонила по утрам, чтобы она вставала с кровати.

— Ты всю жизнь решала за меня, — говорит она.

Я не сразу узнаю обвинение в том, что считала заботой.

— Ты просила помощи.

— А что оставалось? Ты уже знала, куда звонить, что го-

ворить, сколько дать мне времени на слёзы. Даже мама знакомила меня одинаково: «Наша Ксюша, младшая Маринина». Будто я к тебе прилагаюсь, — выпаливает Ксюша.

— И поэтому ты легла с моим мужем?

— Не из-за этого! — Она вскакивает, роняет сумку. По плитке катится упаковка витаминов, тех самых, больничных. Ксюша пытается поднять её, сердится на мешающий живот, и я успеваю первой. Коробочку кладу на стол. — С ним я хотя бы не чувствовала себя твоим неудачным приложением.

— Расскажи. Только не делай из восьми месяцев случайность.

Она долго поправляет сумку. Обогреватель щёлкает, с крыши на каменную дорожку падают тяжёлые капли. Через стеклянную дверь виден наш обеденный стол — тот самый, за которым Кирилл резал юбилейный торт, а Ксюша улыбалась детям.

— Он спрашивал, чего хочу я, — говорит она, разглядывая мокрый носок ботинка. — Мог выслушать мою идею и не поправлять через каждое слово. Называл Ксенией, представлял коллегам отдельно. И однажды сказал, что я красивая. Точку поставил. Без твоего имени.

— Какое великодушие.

Она втягивает голову в плечи, но договорить уже хочет сильнее, чем уйти. После корпоративного вечера Кирилл вызвался отвезти её. У дома поцеловал первым. Ксюша выскочила из машины, всю ночь не спала и утром отправила ему:

«Забудь. Это ошибка».

— Он ответил, что согласен? — спрашиваю я.

— Не ответил вообще.

— И ты больше не пришла, — договариваю за неё.

Ксюша смотрит через стекло на кухню. Я жду, пока она перестанет искать там удобную версию.

— Через два дня сама поехала к нему в отель, — признаётся она. — Позвонила из лобби. Он спустился. Я могла уйти, пока ждала. Не ушла.

Вот оно, первое честное предложение за весь разговор. Кирилл начал. Она вернулась. Дальше было почти восемь месяцев решений: встречи, сообщения, семейные ужины, мой день рождения, детские праздники. Ни один из этих дней не случился сам.

— Ты его любишь?

— Да, — выпаливает Ксюша и торопливо прячет витамины в сумку. — И он заботится. Сам нашёл врача, квартиру, спрашивает про давление по два раза в день.

— Я спросила про любовь.

— Не все обязаны твердить её по десять раз! — огрызается Ксюша.

Мы обе знаем, что Кирилл как раз умел твердить. Писал мне в сообщениях, подписывал открытки, шептал у детской кровати. Значит, с Ксюшей он выбирал другие слова — и она подгоняла их под нужный смысл.

— Хорошо. Тогда объясни мне другое. Ты была у нас по-

чти каждую неделю. Видела, как мы завтракаем, ругаемся из-за уроков, выбираем Егору подарок. Ты видела наш дом. Наших детей. Меня. Где именно тебе показалось, что наш брак закончился?

Ксюша облизывает пересохшие губы. За окном соседский садовник тащит мешок с листьями, у ворот сигналит курьер. Ответа всё нет.

— Кирилл был несчастлив, — наконец говорит она.

— Когда? На юбилее, где он обнимал меня перед всеми? В отпуске с детьми? В воскресенье, когда спорил со мной о новом диване? Назови день, Ксюша.

— Ты всегда всё раскладываешь так, что у другого нет правильного ответа, — говорит Ксюша.

— У тебя сейчас нет правдивого.

Она встаёт, придерживаясь за кресло. Я тоже поднимаюсь: не собираюсь удерживать, но после больницы слежу, не побледнела ли она. Ксюша замечает это и горько усмехается.

— Даже сейчас проверяешь, справлюсь ли я сама.

— Ты беременна. Ребёнок не виноват, что его родители лгали, — отвечаю я.

У двери она долго застёгивает пальто. Потом оборачивается к нашему дому, к фотографиям в гостиной, которые видно сквозь стекло. В её лице проступает растерянность той Ксюши, которую я когда-то забирала после расставания. Только на этот раз я не подхожу.

— Он сказал, что после юбилея уйдёт, — выдыхает она.

Кирилл обещал ей уйти. А мне в ту же ночь говорил, что никогда и не собирался.

Глава 13. Только своё

Кирилл лгал нам по-разному. Ксюше продавал будущую жизнь после юбилея, мне — прошлую, в которой она ничего не значила. Обе версии позволяли ему ещё немного не выбирать.

— Марин? — Ксюша уже стоит на нижней ступеньке. — Ты скажешь ему, что я приезжала?

Я закрываю дверь на террасу и отвечаю через стекло:

— Сама решай, что ему говорить.

Она остаётся под дождём на несколько секунд, словно ждёт привычного продолжения: совета, готовой фразы, номера такси. Потом достаёт телефон и уходит к воротам. Я не смотрю, кто за ней приедет.

Предварительное заключение приходит в восемь двадцать следующего утра. Елена уже в копии. Я читаю документ на кухне, пока Егор вылавливает из каши изюм, а Соня прячет телефон под столом. Юристы «Атласа» разрешают мне продолжить аудит при сохранении барьера. Общие методы анализа, профессиональные навыки и сведения из открытых источников использовать можно. Старые файлы группы Лаврова, их оформление, тексты и всё, что создано мною в должности, запрещены.

— Мам, ты выиграла? — спрашивает Егор с полной ложкой во рту.

— Мне разрешили работать.

— Это считается да, — решает Егор.

Соня ничего не говорит, но выключает телефон и пододвигает ко мне сахарницу, хотя я её не просила. За последние дни она стала помогать такими маленькими движениями, будто прямые слова могут случайно оправдать отца. Я не заставляю её выбирать даже в мелочах.

В «Атласе» мне возвращают ноутбук и новый блокнот. Старый остаётся в запечатанном пакете у Сергея. Андрей ждёт в переговорной с Павлом и операционным директором Аллой Крыловой. На доске сохранились мои четыре строки; поверх слова «инвестор» кто-то поставил красный вопросительный знак.

— Допуск получен, — говорит Сергей. — При дополнительном условии: каждое пересечение с ранее виденными материалами Лаврова фиксируется до использования.

— Прекрасно. Возвращаемся к банку, — решает Андрей.

Я открываю новый блокнот, но не сажусь.

— Сначала уберём из проекта всё спорное.

Павел проверяет часы. Алла, с которой мы ещё не знакомы, перестаёт листать отчёт. Андрей смотрит на меня так, будто юридическая проверка всё-таки оставила в комнате постороннего человека.

— Всё спорное уже пометили юристы.

— Они провели границу, за которой начинается явное нарушение. Я предлагаю отойти от неё дальше, — говорю я.

— Куда именно?

Я показываю список. Матрица причин отказов повторяет логику старой разработки — делаем новую форму и меняем не только цвета. В банковской записке есть формулировки из сценария, который я когда-то готовила Кириллу, — переписываем. Сравнение объектов по недельным отклонениям оставляем как общий метод, но расчёт поручаем Павлу, а я работаю только с результатом. Из перечня инвесторов убираем два контакта, о чьём интересе я когда-то узнала дома.

— Эти компании есть в открытом обзоре, — возражает Павел.

— Сам факт есть. Причины, по которым они входили в сектор, я слышала от Кирилла.

— Мы потеряем двух самых реалистичных покупателей, — предупреждает Павел.

— Найдём других или честно скажем фонду, что подтверждённого интереса пока нет.

Андрей забирает у меня лист. Он читает быстро, всё сильнее нажимая ногтем на край бумаги. В комнате работает кондиционер, и мне хочется накинуть пиджак, но я остаюсь стоять. Первый серьёзный спор с ним нельзя переждать в удобном кресле.

— Вчера вы остановили работу ради проверки, — говорит Андрей. — Проверку прошли. Сегодня предлагаете выкинуть ещё полдня и половину результата.

— Не половину. Форму, несколько фраз и два контакта.

— Через пять дней фонд проголосует. К этому моменту у Лаврова будут деньги и договорённости, а у нас — безупречно чистая пустая папка.

Алла закрывает отчёт. Похоже, она хотела остаться наблюдателем, но Андрей бросает лист на стол рядом с ней.

— Вы работали с Мариной вчера. Есть смысл переделывать форму?

— С точки зрения операций мне всё равно, в каких колонках считать отказы. Но люди уже начали собирать данные по старой, — отвечает Алла.

— Сколько потеряем? — спрашиваю я.

Алла отвечает после короткого расчёта: три часа, если не менять сами вопросы. Павел бурчит, что банковскую записку перепишет за два. Выходит меньше рабочего дня. Андрей слышит те же цифры и всё равно не соглашается.

— А через три часа вы найдёте ещё одно сходство? Потом вспомните старый звонок? Где предел вашей осторожности?

— Там, где никто не сможет сказать, что «Атлас» победил благодаря украденной у Кирилла работе, — отвечаю я.

— Вы создали её сами.

— Для его компании. Я могла годами злиться, что Кирилл присваивал мои результаты, но это не даёт мне права присвоить их теперь, — говорю я.

Андрей отходит к окну. Я жду, пока он перестанет смотреть на часы и услышит, о чём мы спорим. Мне тоже страшно потерять эти пять дней. Ещё страшнее однажды получить

должность и обнаружить, что вернулась в неё тем же способом, которым Кирилл носил мои файлы на свои встречи.

— Если мы выиграем на спорной основе, победа ничего не стоит, — добавляю я. — Первый же иск остановит переговоры с новым инвестором. И любое моё решение после этого будут проверять на запах Лаврова.

— Это уже репутация, — замечает Сергей. — Здесь Марина права. Юридически мы можем оставить больше. Для защиты сделки лучше не оставлять.

Андрей оборачивается к Павлу:

— Три часа на новую форму. Два — на записку. Контакты вычеркнуть и зафиксировать причину. Если к вечеру работа не вернётся в график, пересоберём команду без Марины.

Он не смягчает решение улыбкой. Я тоже не благодарю за то, что он принял мой аргумент под угрозой убрать меня. Мы садимся и начинаем с чистого листа.

Новая форма получается хуже с первого раза. Алла ругает мои вопросы за кабинетный язык, управляющий Балтикой по видеосвязи требует объяснить, почему снова должен обзванивать бывших гостей. Я слушаю пять минут, потом прошу его открыть последние три отрицательных отзыва. В каждом упомянуты завтрак и ожидание заселения, хотя отчёт относит причины отказа к цене.

— Ваши люди ставят первую удобную галочку, — говорю я. — Спросите гостя словами, что именно его не устроило, и запишите ответ целиком.

— У нас сто семьдесят контактов.

— Начните с двадцати. Если причины не изменятся, остановитесь, — предлагаю я.

Алла забирает разговор. Она меняет график смен, назначает ответственного и требует первые записи к шести. На экране остаётся красный от раздражения управляющий, зато задача впервые принадлежит человеку, который будет её выполнять, а не моей красивой таблице.

Павел приносит банковскую записку без прежних фраз. Мы спорим о прогнозе: он хочет оставить базовый сценарий, я требую рядом стрессовый, Алла просит добавить цену конкретных мер по Балтике. Через два часа документ покрыт правками, но его можно отправлять, не оглядываясь на домашний компьютер.

К семи данные снова собраны. Три часа мы не вернули, зато никто больше не спрашивает, что именно запрещено. Сергей ставит дату и подпись под перечнем исключённых материалов. Андрей читает последнюю версию, исправляет одну цифру и отдаёт помощнице.

— Упрямая, — говорит Павел, когда мы остаёмся у кофемашины.

— Вы тоже.

— Я хотя бы за деньги, — отвечает Павел.

Я показываю ему договор на десятидневный аудит. Он смеётся, едва не проливает кофе, и напряжение рабочего дня наконец отпускает. Когда мы возвращаемся, Андрей подви-

гает ко мне письмо банка: обращение принято, предварительное обсуждение возможно до заседания фонда. Маленькая строчка, которую можно проверить.

— Вы были правы насчёт чистого следа, — говорит он так тихо, чтобы слышала только я. — В следующий раз постарайтесь оказаться правы быстрее.

— В следующий раз предупреждайте о сроке до того, как я соглашусь на десятидневный аудит.

Он собирается ответить, но на экране всплывает новое письмо от фонда. Помощница открывает вложение, и в комнате снова появляются логотип группы Лаврова и таблица условий.

Кирилл повысил цену.

Глава 14. Вернись домой

Кирилл повысил цену настолько, что Павел перестаёт шутить. Фонд получает дополнительную премию за быстрый выход, а оплата гарантируется банком. Взамен предложение действует только до заседания.

— Он покупает не пакет, а наше время, — говорит Андрей.

Павел уходит пересчитывать цену отсрочки, Сергей проверяет условия. Я остаюсь у экрана и вспоминаю: дома Кирилл тоже редко называл сумму. Он создавал ситуацию, в которой отказ выглядел капризом.

Мой телефон вибрирует. Сообщение от него состоит из адреса ресторана и времени: «Сегодня в 20:30. Нам необходимо поговорить без детей и юристов».

— Он вам? — спрашивает Андрей.

— Просит о личной встрече.

— Идите. Вдруг за семейной терапией случайно назовёт окончательную цену, — предлагает Андрей.

Я резко поворачиваюсь к нему. Андрей не отводит взгляда, хотя уже понимает, что шутка попала не туда.

— Я не буду вытаскивать сведения из мужа для вашей сделки.

— Знаю. Плохая попытка снять напряжение, — признаёт он.

Я убираю телефон. Отказаться от встречи хочется, но развод не отменяет детей, дом и имущество. Кирилл наверняка уже знает, что его две версии встретились на моей террасе.

Ресторан он выбирает при своём отеле. Отдельный кабинет, матовое стекло, официант, знающий его без заказа. В двадцать двадцать пять Кирилл уже там. Перед ним вода и папка, пиджак висит на спинке соседнего кресла. Он выглядит уставшим, но на деловых встречах усталость всегда была частью его предложения: смотрите, сколько я работаю, пойдите навстречу.

— Спасибо, что приехала, — говорит он и встаёт.

Я выбираю кресло напротив папки, а не рядом с ним.

— У меня сорок минут. Потом обещала позвонить Соне.

Кирилл велит официанту больше не входить без вызова. Потом разливает воду и по старой привычке ставит бутылку ко мне. Его стакан остаётся пустым. Я замечаю это, но не помогаю.

— Ксюша призналась, что приезжала, — начинает он, приглаживая салфетку возле тарелки. — Ей с таким давлением нельзя таскаться через город.

— Болей не было. Давление я спросила.

— Конечно, спросила. Ты же у нас всё успеваешь: сестру допросить, к конкурентам устроиться, адвокату документы собрать, — отвечает Кирилл.

Салфетка расползается под его пальцами. Кирилл отбрасывает её и спохватывается, будто сам услышал собственный

тон.

— Я не за этим тебя позвал. Соня не берёт трубку, Егор каждый вечер спрашивает, когда я вернусь. Долго мы так протянем?

— Приезжай в согласованное время. От детей я тебя не отстраняла, — говорю я.

Он наконец открывает папку и толкает по столу. На первой странице — семейный дом, дальше кредит, содержание, инвестиции. Ещё график встреч, школа и медиатор. Я провожу ногтем по Сониной дате рождения: месяц указан неверно.

— Дом оформляем на тебя, — говорит Кирилл и, заметив мою остановку, накрывает страницу ладонью. — Ошибку исправят. Расходы детей я закрываю полностью. Из-за имущества не воюем. Совместную опеку не требую, но доступ к Соне и Егору должен быть нормальным.

— Я и не запрещала тебе видеть их.

— Пока. Елена уже запросила оценку долей в бизнесе, — напоминает Кирилл.

— Потому что они появились в браке. Это не месть, а инвентаризация.

Он морщится от последнего слова. Я листаю дальше и нахожу предложение семейной терапии. Восемь встреч с психологом, фамилия специалиста, варианты времени.

— Ты уже выбрал нам врача?

— Психолога. И это предложение, не условие. Пятнадцать лет нельзя выбросить за три дня, — поправляет Кирилл.

— Прошло больше трёх.

— Тем более. Ты не спишь, работаешь у моего прямого конкурента и принимаешь решения из ярости. Давай хотя бы поговорим с человеком, который не состоит у нас на зарплате, — настаивает он.

Я закрываю папку. В его версии терапия нужна не для того, чтобы прожить развод или вернуть доверие, а чтобы специалист подтвердил: моя реакция слишком сильная. Кирилл не произносит «вернись» сразу. Он раскладывает дом, деньги и детей так, чтобы возвращение казалось последним разумным пунктом.

— Ты обещал Ксюше уйти после юбилея.

Он перестаёт поправлять край папки.

— Она неправильно поняла.

— Слова «после юбилея я уйду» допускают много толкований? — спрашиваю я.

— Я сказал, что после юбилея всё решу. Возможно, в каком-то разговоре выразился жёстче, потому что она давила беременностью. Я собирался прекратить наши отношения и обеспечить ребёнка.

— Ей ты продавал место жены. Мне — любовницу, которую уже списал. Какая версия сегодняшняя?

Кирилл берёт пустой стакан, замечает это и ставит обратно. Его спокойствие впервые даёт сбой, но злится он не на свою ложь.

— Сегодняшняя версия: ты моя жена и мать моих детей.

Я совершил чудовищную ошибку, а ты за несколько дней решила уничтожить всё, что мы строили.

— Я подала на развод. Твой бизнес не включён в заявление как средство пытки, — отвечаю я.

— Зато ты пошла к Воронцову.

Вот ради чего назначена встреча. Кирилл открывает папку с конца. Под семейным соглашением лежит отдельный лист: обязательство прекратить любую работу или консультации для «Атласа» до завершения сделки. За это он готов увеличить мою долю в имущественном соглашении.

— Ты предлагаешь купить мой уход с работы.

— Я предлагаю убрать очевидный конфликт. Ты знаешь мою группу изнутри. Твоё участие уже заставляет фонд нервничать, юристы тратят время, пресса получит прекрасный заголовок: брошенная жена помогает конкуренту сорвать сделку мужа, — объясняет Кирилл.

— Пресса пока ничего не знает.

— Поэтому и надо остановиться сейчас. Ты создаёшь риск моей репутации, своей и детской. Если сделка сорвётся из-за тебя, любой суд увидит мотив, — настаивает он.

Он говорит о риске трезво. Моё участие действительно мешает ему; семейная история способна напугать фонд и будущих партнёров. Только этот конфликт возник не в тот момент, когда я вошла в офис Андрея. Кирилл принёс его домой восемь месяцев назад и посадил за наш юбилейный стол.

— Нет, — отвечаю я. — Из «Атласа» я не уйду. Юристы

проверили мой доступ. Я убрала из проекта всё, что может принадлежать твоей компании.

— Ты называешь это работой? Тебя взяли на десять дней, чтобы ударить по мне на заседании.

— Меня взяли потому, что я умею работать. Тебе трудно в это поверить: тогда придётся вспомнить, сколько лет ты пользовался тем же умением бесплатно, — отвечаю я.

Кирилл отодвигает кресло. За матовым стеклом звякает упавшая ложка; официант стучит и просовывает голову в щель. Нужен ли ужин? Мы одновременно отвечаем «нет», только Кирилл — слишком громко. Дверь поспешно закрывается.

— Терапию ты не хочешь. Документы толком не прочла. От Воронцова уходить тоже не собираешься. — Кирилл растирает переносицу и смотрит уже без прежней деловой выдержки. — Объясни, как это ещё назвать. Ты мстишь мне через сделку.

— Назови как угодно, только не рассказывай детям, что я отняла у них отца. И Соню не проси возвращать меня домой.

— Возвращать? Марина, я оттуда не выписывался. Это и мой дом, — напоминает Кирилл.

Он всё-таки тянется к бутылке. Вода льётся мимо стакана, растекается по белой скатерти и подбирается к папке. Я поднимаю свои телефон и сумку, а Кирилл пытается промокнуть лужу салфетками.

— Тогда обсуди со своим адвокатом, почему пока ты бы-

ваешь там по средам с шести до девяти.

— Сядь. Мы не закончили, — требует он.

— Ты закончил, когда положил под соглашение цену моего увольнения.

У двери он бросает мне вслед, что Воронцов использует скандал, а потом выставит меня. Возможно, так и будет. Только впервые возможная ошибка принадлежит мне, и я не собираюсь отдавать её Кириллу вместе с остальными решениями.

До заседания остаются четыре дня, потом три, два. Я просыпаюсь от почтовых уведомлений и однажды засыпаю рядом с Егором поверх покрывала. Банк соглашается открыть ускоренный пересмотр, хотя нового графика пока не обещает. Из загородного комплекса приходят первые подтверждённые сокращения. Балтика признаёт сбой с завтраками и заселением. Два инвестора готовы посмотреть данные после подписания конфиденциальности, а Павел находит тендер на управление гостиничным комплексом — заявки принимают через месяц.

Утром заседания я приезжаю раньше восьми. В холле делового центра пахнет полиролью и свежей выпечкой из закрытого кафе. Андрей с юристами уже наверху; мне пишет Сергей: «Поднимайтесь одна, документы у нас».

Я прикладываю пропуск и нажимаю кнопку лифта. Стальные двери разъезжаются.

Кирилл стоит внутри.

На его пиджаке значок фонда для посетителей, в руке та самая тёмно-синяя папка. Он придерживает дверь и отступает к зеркалу, освобождая мне место.

Мы оба едем на заседание фонда.

Глава 15. Реальные деньги

Лифт трогается, и цифры этажей загораются одна за другой. Кирилл нажал двенадцатый раньше меня. Между нами меньше метра, зеркало и запах его одеколона, который я сама дарила на Новый год.

— У тебя ещё есть время не входить в этот зал, — говорит он.

Я слежу за цифрой «семь». Если поверну голову, в зеркале мы снова окажемся парой: тёмные костюмы, папки, одинаковая привычка приезжать заранее.

— Вчера ты называл это местью. Сегодня предлагаешь сбежать до начала?

— Предлагаю не унижать себя. Они выслушают тебя из вежливости и проголосуют за деньги, — отвечает Кирилл.

На девятом этаже в лифт заходит женщина с подносом кофе, и до двенадцатого мы молчим. У стойки фонда Кирилла пропускают сразу, а мою фамилию охранник ищет в двух списках. Муж ждёт, пока становится ясно, что я задержусь, и уходит в зал. Через семь минут за мной спускается Сергей: презентация Лаврова уже началась, консультант фонда готов дать заключение по проверке.

Дверь открывается на слайде с высокой цифрой. Кирилл объясняет структуру оплаты пяти членам комитета. Андрей с Павлом сидят напротив; рядом оставлено пустое кресло. Я

захожу без извинений и сажусь туда.

Он подготовлен лучше нас: гарантия банка, короткая проверка, деньги в течение тридцати дней и премия за решение сегодня. Кирилл покупает пакет вместе с долгом и конфликтом, не требуя сначала сделать «Атлас» прекрасным.

Председатель Вадим Руденко уточняет, сохранится ли цена при ухудшении квартальных показателей. Кирилл показывает формулу: колебания в установленном диапазоне её не меняют. Павел подчёркивает строку в расчётах.

— Есть ли вопросы к покупателю? — спрашивает Руденко.

Андрей спрашивает о рефинансировании миноритариев и будущем совете. Кирилл отвечает: переговоры идут, обязательств пока нет, состав совета определят доли и акционерное соглашение.

Когда вопросы заканчиваются, он закрывает презентацию, но остаётся стоять.

— До выступления «Атласа» я обязан заявить о конфликте интересов, — говорит Кирилл. — Госпожа Лаврова является моей супругой, имеет многолетний доступ к конфиденциальным данным моей группы и одновременно консультирует сторону, заинтересованную сорвать нашу сделку.

Члены комитета листают материалы; одна женщина снимает очки. Они знали о проверке. Только слово «супруга» впервые произнесено вслух за этим столом.

— Вы также направляли официальное предупреждение,

— замечает Руденко. — Оно рассмотрено.

— Предупреждение касается использования информации. Я говорю и о мотиве. За последние дни госпожа Лаврова инициировала бракоразводный процесс.

Андрей остаётся на месте. Ещё неделю назад я могла бы ждать, что мужчина рядом вмешается и объяснит, почему мне можно доверять. Теперь его молчание даёт мне право отвечать самой.

— Развод объясняет, почему я перестала бесплатно защищать интересы группы Лаврова, — говорю я. — Но не делает предложение «Атласа» лучше. Его качество можно проверить отдельно от моей семейной жизни.

— Вы подтверждаете, что знали о готовящейся покупке до начала работы у конкурента?

— Я узнала имя покупателя в офисе «Атласа». До этого знала только, что у тебя есть крупная сделка. Домашние сведения не использовала, что подтверждено журналом доступа и независимой проверкой, — отвечаю я.

Руденко поднимает ладонь. Спор обрывается до того, как превращается в семейный. Он предоставляет слово Ирине Киселёвой, консультанту фонда. Перед ней папка с заключениями юристов обеих сторон.

Ирина перечисляет факты: мой доступ временно прекращали, устройства и записи проверили, старые материалы исключили, информационный барьер действует. Правовых оснований запрещать мне представлять кризисную группу нет.

При нарушении фонд прекратит рассмотрение альтернативы.

— С мотивами работаем мы, — подводит итог Руденко. — С правом — консультант. Возражение господина Лаврова занесено в протокол.

Кирилл садится. Я раскрываю папку, но председатель не даёт мне начать с первого слайда.

— Госпожа Лаврова, ваш муж предлагает нам реальные деньги. Что предлагаете вы?

У Кирилла банковская гарантия. У меня шесть дней работы, два осторожных письма и план, в котором каждое действие ещё может сорваться.

— Шестьдесят дней, — отвечаю я.

Павел перестаёт листать расчёты. Мы обсуждали диапазон от сорока пяти до девяноста, но не выбирали срок: хотели услышать настроение комитета. Теперь выбор сделан.

— Время само по себе не является предложением, — говорит Руденко.

— Поэтому оно будет стоить «Атласу» конкретных обязательств. Если мы их не выполняем, вы возвращаетесь к продаже на заранее согласованных условиях.

Я вывожу письмо банка и сразу признаю: это ещё не финансирование. Но рассмотрение началось, команда назначена, предварительное решение ожидается через три недели. Каждую строку фонд может подтвердить у банка.

Два слабых объекта показаны отдельно. Алла убрала лиш-

ние ночные смены, переподписала снабжение и закрыла пустующий зал в будни. Экономия уже прошла по счетам. На Балтике исправляют завтрак и заселение; приложены первые двадцать звонков гостям.

— Две недели хорошего завтрака не повысят стоимость пакета, — замечает один из членов комитета.

— Согласна. Они показывают, умеет ли руководство признать неверную причину провала и исправить её. Через шестьдесят дней вы увидите динамику, а не сегодняшнее обещание.

Женщина без очков спрашивает о покупателях. Я открываю список полностью: шесть отказов, два согласия войти в закрытый просмотр, ещё три контакта без ответа. Не прячу красные строки. Фонд уже знает, что рынок не бросился за пакетом; приукрашивание сделает нас слабее.

— Подтверждённого предложения нет? — уточняет она.

— Нет. Есть два письма о готовности рассмотреть инвестицию после NDA. За шестьдесят дней мы обязуемся получить хотя бы одно подтверждение интереса к пакету с диапазоном оценки и условиями управления.

Кирилл складывает руки на столе. Он не улыбается, но я знаю это выражение: противник признал дыру, осталось нажать.

— То есть фонд должен отказаться от гарантированной премии ради возможного письма, — говорит он.

— Фонд должен решить, исчерпана ли конкуренция за его

пакет. Ваше предложение никуда не исчезнет, если вы уверены в цене.

— Оно действует сегодня, — напоминает Кирилл.

— Потому что через шестьдесят дней может перестать быть единственным.

Руденко снова останавливает нас. Последний блок — крупный контракт. Я показываю календарь открытого тендера на управление гостиничным комплексом. Заявка не гарантирует победы, однако требования совпадают с опытом «Атласа»: запуск объекта, управление номерным фондом, рестораном и конференциями. Подтверждённый контракт станет выручкой без покупки здания и дополнительного долга.

Вопросы идут сорок минут: банк, право вето, место в совете, цена тендерной заявки. Павел отвечает за модель, Сергей — за структуру, Андрей подтверждает готовность обсуждать права нового акционера. За меня он не отвечает ни разу.

Кирилл напоминает, что фонд уже продлевал срок и теперь его просят обменять гарантированную доходность на запоздалую работу. Мне хочется возразить, но комитет услышал план; повторение ничего не добавит.

Членам комитета приносят новые листы для голосования, но Руденко отказывается от письменной процедуры. Он просит Кирилла подтвердить, готов ли тот сохранить базовые условия, если фонд даст отсрочку. Кирилл требует сначала назвать срок и гарантии. Они торгуются ещё десять минут,

пока в протокол не вносят формулировку, которую я не успеваю прочитать целиком.

Вадим Руденко закрывает документы.

— Хорошо. Голосуем.

Кирилл смотрит на меня через стол. Первый член комитета голосует за немедленную продажу Лаврову.

Второй — тоже за продажу.

Третий открывает рот.

Глава 16. Шестьдесят дней

— Отсрочить решение, — говорит третий член комитета. — При сохранении оферты Лаврова как резервной.

Секретарь спрашивает, правильно ли расслышала, и повторяет решение вслух. На листе появляются две отметки за Лаврова и одна за отсрочку. Женщина, которая сняла очки ещё во время моего выступления, никак не может найти их среди бумаг. Она ощупывает край папки, сердится, и Руденко сам подаёт ей оправу.

— Прочитайте условия ещё раз, Вадим, — просит она. — Все т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.